

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses with black outlines and green leaves on black, winding vines. The roses are in various stages of bloom, some fully open and some as buds. The vines are thin and elegant, with small leaves interspersed between the flowers.

Елена Ожич

Девчачьи нежности

12+

Annotation

Победитель конкурса детской и юношеской прозы ЛитРес: Самиздат – 2018.

Мама хочет быть твоею подружкой? Еще чего придумала! Она такая странная – все время рассказывает о своем детстве, задает вопросы, пытается все время что-нибудь выведать, лезет в твои дела. Да у нас общего только то, что мы живем с нею под одной крышей!!! Хотя... не такая уж она и странная, и детство у нее прикольное было, и между нами есть кое-что общее. Например, мы обе терпеть не можем все эти девчачьи нежности.

- [Елена Ожич](#)
    -
    - [Я. Как говорит моя мама](#)
    - [Она. Коньки](#)
    - [Я. Родительское собрание](#)
    - [Она. Фортепиано](#)
    - [Я. Когда мама и папа были детьми](#)
    - [Она. Фантики](#)
    - [Я. Мальчики](#)
    - [Она. Книги](#)
    - [Я. Чемпионат по настольным играм](#)
    - [Она. Открытки](#)
    - [Я. Заметка на полях](#)
    - [Она. Петушки](#)
    - [Я. Раствор Люголя](#)
    - [Она. Хулиган Иван Кефилов](#)
    - [Я. Слоники](#)
    - [Она. Пальто](#)
    - [Я. Шортики](#)
    - [Я. То, что нас объединяет](#)
    - [Она. Улица Радищева](#)
-

Елена Ожич
Девчачьи нежности

Моим дочерям

klishina75@list.ru

Я. Как говорит моя мама

Вы бы слышали, какие вещи иногда говорит моя мама! Нет, конечно, чувство юмора и все такое, но я не могу представить, что какая-нибудь другая мама, мама моей одноклассницы могла так сказать. Мама, они как-то серьезнее должны быть, что ли.

Ну, например. Моя младшая сестра не любит ходить в садик, и поэтому по утрам орет в прихожей. Что ж, я ее понимаю. Я и сама бы орала в прихожей, когда собираюсь в школу. Но я не могу... Возраст уже не тот. Какое счастье, говорит мама, что хотя бы у одной нашей дочери есть тормоза. Это про меня она, да.

И вот Котя, как мы называем нашу мелкую, опять орет в прихожей. Что-то про взорвать садик. Или разрушить. Или разобрать. Но что-то явно деструктивное. И мама тут как брякнет:

– Отличная идея, Котька! Пойдем скорее детский садик разрушать!

Котька сразу умолкла, а мама продолжает:

– Давно пора с этим садиком разобраться, столько из-за него переживаний. Представь, Котька, что ты шпионка, и у тебя специальное, суперсекретное задание – разобрать по запчастям детский садик. А чтобы про твое шпионское задание никто не догадался, предлагаю следующий план. Дадут тебе чистую бумагу – разрисуй ее всю в клочья! Выдадут вдруг пластилин – лепи так, чтоб живого места на нем не осталось! Каши полную тарелку пододвинут – уничтожай, не раздумывая! Знаешь, сколько там ее, этой каши, в детском саду-то – просто горы невероятные! Мыло дадут – мыль тщательнее, чтоб все смылилось. Только так мы с тобой садик-то и разберем, и раскатаем по бревнышку...

Пока мама все это говорила, Котька ошарашенно молчала и смирно позволяла себя одевать и обувать. Вечером, придя из детского садика, Котька с видом шпиона на секретном задании доложила, что а) кашу съела, б) мыло мылила изо всех сил, в) даже песок из песочницы (два ведерка) высыпала.

Или как моя мама умеет отвадить Котьку. Иногда мама работает дома, и Котька лезет к ее компьютеру в самый неподходящий

момент. Я в таких случаях Котьку просто отодвигаю, иногда ногой. Нормальная, обычная мама что скажет? Брысь, отстань, уйди отсюда. А наша?

– Ну, Котька, – говорит она, – иди-ка сюда, я сейчас тебя буду обнимать, целовать и жамкать.

И руки так протягивает, будто бы с хищным видом. И Котьку сдувает, как ветром. С криками «Не надо меня жамкать!» вреднящая Котька убегает. Класс. Возьму на заметку.

Или вот еще пример того, как со мной мама разговаривает. Как-то просит меня:

– Котька (да, иногда Котькой называют и меня тоже), помой посуду!

Ну, а я что. Я подросток, мне положено огрызаться. И я дерзко отвечаю (сама в шоке от своей смелости):

– Может быть, тебе еще и мусор вынести, и мир спасти?

Я-то думала, что мама скажет, что-нибудь обыкновенное, вроде «Да как ты с матерью разговариваешь!» или «Тебе не стыдно вообще?» А она:

– Мусор я уже вынесла. Пару подвигов по спасению мира уже совершила. Если мир подаст сегодня еще сигналы о помощи, так и быть, твоя очередь его спасти. Так что – пока только посуда.

Ммм. Тебе не стыдно вообще, мама? Ты издеваешься? Разве так с детьми разговаривают? Шарахни, что ли, кулаком по столу. Я обижусь, закроюсь в комнате, ну, а ты еще пару часиков повозмущаешься – мол, вырастили тунейдку... Так бы славненько попрепирались бы. А теперь только и остается, что идти и мыть посуду.

Или вот еще был случай. Я учусь в седьмом классе, и вроде бы читать «Онегина» мне еще по возрасту не положено. Но что-то я повелась на мамину провокацию, старею, наверное, теряю легкую юношескую борзость.

Так вот, мама и говорит:

– Котька, давай приколемся!

Как-то сразу сбило меня это слово, «приколемся». Не мамино это

слово, а мое и моего поколения, чего она.

– Давай, – говорим мама, – над вашей Верой Борисовной приколемся.

Вера Борисовна – это наша учительница по русскому языку. Над ней прикалываться – себе дороже. Она наших прежних-то заслуг не признает, а уж шуток и вовсе не понимает.

– Давай, – продолжает мама, – ты «Онегина» прочитаешь, вот она удивится-то! Как скажешь ей: «Мой дядя самых честных правил», так все, у нее минут на пять будет легкий ступор.

– А прикол-то в чем? – спрашиваю я.

– Эх ты, – смеется мама, – «Евгения Онегина» в девятом классе проходят. А ты только в седьмом!

А чего, думаю я, дело. Неожданность – наш конек. И пошла читать «Онегина», а там-то про любовь! Очень интересная книжка, хоть и в стихах. До двенадцати ночи не могла оторваться. Жду теперь случая подходящего, чтобы Вере зацитировать письмо Татьяны – люблю людей шокировать. Вот еще челку в синий покрашу и вперед, «вообрази, я здесь одна, меня никто не понимает, рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна...». Маме, кстати, иногда тоже можно что-нибудь такое вернуть. Короче, Пушкин – вееещ. Надо у него еще порыться, каких-нибудь таких улетных фразочек поискать.

Или вот еще история, тоже про Веру Борисовну.

Мама как-то говорит:

– Хочешь «пятерку» по русскому за просто так получить?

Кто же не хочет, лишняя «пятерка» еще никому не помешала.

А мама продолжает:

– Задаст вам Вера Борисовна очередное правило по русскому, а ты как бы невзначай скажи: «Хорошо, посмотрю у Розенталя». Только сперва, чур, посмотреть, что за Розенталь, вон на полочке стоит.

Ну, я и посмотрела – учебник и учебник. Имя у Розенталя еще прикольное такое – Дитмар Эльяшевич. И правда, правила все есть. Смотришь оглавление – и оп, сразу нужное правило, почти как в интернете.

И на уроке так и сделала.

Вера Борисовна очень удивилась и говорит:

– У тебя дома Розенталь есть?

Я говорю:

– Ну да, – мол, у кого же в доме нет Розенталя, что за вопрос.

Вера Борисовна тогда говорит:

– И ты знаешь, кто такой Розенталь?

– Ну, кто-кто, – говорю, – этот... филолог, наверное. У нас даже два Розенталя есть, второе издание и восемнадцатое.

– Второе? – как-то странно заблестели глаза у Веры Борисовны. – Второе-то у вас откуда?

– Да так, – говорю, – мама на помойке какой-то нашла.

Это я, конечно, так зря выразилась. Просто мама сама сказала, что второе издание Розенталя как с помойки, хотя она его на полке буккроссинга в книжном магазине выискала.

– Как книжка-то называется? – строго спросила Вера Борисовна.

Все-таки мамка моя – голова, не зря предупредила, чтобы я книжку сперва на полке посмотрела.

– «Справочник по правописанию и литературной правке». А что?

– Ничего, – сказала Вера Борисовна. – Иди.

Эй, а «пять» поставить?

Блин. Не сработало. Но троллинг зачетный, Вера как-то добрее стала, что ли.

Она. Коньки

Что чувствует человек, которому далеко за тридцать и который покупает себе – первые в жизни – собственные – настоящие – фигурные коньки?

А я вам скажу.

Он чувствует, что одна его детская – небольшая – скромная такая – мечта сбылась. И от этого очень ему радостно. Потому что много своих скромных детских мечт он уже давно схоронил, а вот эту спас.

В моем детстве все коньки были с чужой ноги. Первые достались мне от одного из двоюродных братьев. Не помню, от кого именно перешли мне эти коричневые облезлые «дутьши» мальчицкого хоккейного фасона. Может быть, это были Женькины коньки? Однажды на хоккее он получил шайбой по зубам, и на челюсти ему наложили резиновые скобки. Он ел жидкую манную кашу через трубочку для коктейля, это я хорошо помню.

А может, это были коньки всех братьев сразу? Наверняка они носили их по очереди после Женьки, самого старшего. Мне, конечно, больше хотелось белые «фигурки» с высоким ботинком, а не коричневые короткие «дутьши», но их мне никто не отдавал. К тому же, я привыкла донашивать после братьев их вещи. Иногда доставалось и что-нибудь хорошее – джинсы, например, или «ковбойки». Или немаркие болоньевые куртки, в которых было можно лазить по гаражам и заборам. Их было не жалко маме, потому что мама особенно трепетала только по поводу тех вещей, которые были новые и «на выход».

Свои первые шаги в фигурном катании мы делали не на льду, а на укатанном снегу – на дороге во дворе. Машин тогда было мало, и мы никому не мешали, и нам никто не мешал. На снегу было видно, кто как сделал вираж вперед и вираж назад. Особенно красивые выходили следы от разворота. И очень легко получалось ходить на зубцах.

Когда мама впервые привезла нас с сестрой на каток «Динамо», лед удивил нас – на нем устоять было труднее, нежели на укатанной машинами дороге. Но мы уже получили прививку равновесия и поэтому шишек набрали немного.

Самую свою большую шишку я заработала на нашей горке. Я решила съехать по ледяному склону, стоя на ногах и спиной вперед. Смертельный был номер, потому что в конце спуска я упала лицом вниз. Из носа пошла кровь, а на лбу – не спасла даже толстая цигейковая шапка – моментально вырос рог, который в течение двух недель менял свою окраску: от чернильно-фиолетового до лимонно-зеленого. А потом синяк сполз, и под глазами залегли загадочные тени.

Вторые мои коньки были вожделенные белые «фигурки». Но у них отломились несколько крючков, с ботинок облезла краска, и они казались сшитыми из кожи старого и больного мелкопятнистого жирафа. Можно было бы покрасить их белой краской, которая осталась после покраски окон, но мама сказала: «Это же чужая вещь! Дали только покататься, а потом вернуть!» Впрочем, на ботинках еще была видна золотистая эмблема из пяти олимпийских колец, и ими тоже можно было изредка хвастаться.

Эти коньки дала поносить мамина подруга тетя Юля. «Фигурки», скорее всего, укатали две ее дочери. Но Олю и Наташу было за что простить – их папа работал в Центральном парке карусельщиком на аттракционе «Колокольчик». И нас с сестрой он всегда пускал кататься бесплатно. Сколько хочешь. Пока тошнить не начнет.

Вот с этими «жирафами» мама возила нас на «Динамо» каждые выходные. У нас были дырчатые, вязанные крючком сумки, из которых лезвия торчали в разные стороны. «Мамаша!!! – вопили на нее тетки в троллейбусах. – За детьми смотрите! Все ноги поистыкали!!!»

Как трогательны были те девчонки, которые в толстых шапках на резинке, в клетчатых пальто на толстом ватине и сползающих коричневых гамашах, выкатывались на динамовскую ледовую дорожку и мечтали стать звездами фигурного катания. Я не помню, сколько стоил билет на каток – может быть, рубль, может быть, пятьдесят копеек. Я не знаю, были ли в то время коньки в магазине «Старт» в продаже, или надо было искать их родителям – простым рабочим завода, используя свои скромные «связи», и покупать где-то с рук в эпоху всеобщего дефицита. Но я хотела свои коньки всегда...

...а купили мне лыжи. Для школы. Новешенькие, с жесткими креплениями, с пахнущими дегтем кожаными ботинками.

Нет, лыжи сами по себе – может, и ничего. Но зимние уроки физры были по-настоящему обидной повинностью – из-за одного только обстоятельства. Дважды в неделю нужно было тащить на себе в школу целый ворох: мешок со спортивной одеждой, лыжи с палками и ботинками и портфель со всей школьной дребеденью. Демисезонные болоньевые круточки, в которых мы катались, простреливались едким сибирским хиусом насквозь. Мы пытались схитрить – надеть под школьное платье свитер и штаны с начесом, прийти в школу по двадцатиградусному морозу в лыжных ботинках на тонкой кожаной подошве. Но в начесе было жарко и неудобно, а ботинки со школьным платьем смотрелись «не эстетично», говорила завуч и отправляла нас переодеваться. Мы, конечно, из вредности никуда переодеваться не шли. А после урока физкультуры, как назло, нужно было еще отсидеть пару алгебры в этом намокшем от праведных трудов на лыжне начесе. По дороге к школе веревочки обязательно развязывались, и лыжный «боекомплект» рассыпался. Хотелось быть волком на утренние морозные звезды, собирая все эти палко-лыжи заочеченными пальцами в кучу, и неотвратимой карой маячила запись в дневнике за опоздание на первый урок.

В третьем классе наш физрук Барбарисыч сжалился над девочками, разрешив вместо лыж коньки. И одну зиму мы носили в сумке для сменки свои подержанные «белоснежки», которые глухо стучали там лезвием о лезвие. Это были самые прекрасные уроки физкультуры, почти балет!

Следующие мои коньки были ничем не примечательны. Они были почти новые. Но они тоже были чужие, и их тоже следовало передать по наследству младшим родственникам, когда вырастет нога.

А нога все росла и росла, и у чужих людей уже не находилось для нее подходящего фигурного ботинка. Я ездила на динамовский каток со свидетельством о рождении в зеленой корочке и брала заветные ботинки напрокат. С разбитыми носами, дырявыми пятками и мокрыми оборванными шнурками – такие «фигурки» никак не тешили меня. Ноги в них коченели и подворачивались, и катку на стадионе «Динамо» пришлось сказать «прощай».

А мечта о своих, теплых, удобных коньках, в которых никто не езживал, осталась. Нога наконец-то остановила свой рост, коньки давно уже не в дефиците, и даже семейный бюджет легко бы зализал

нанесенные их покупкой раны. И мама не скажет, что это ужас как дорого. Мы просто не скажем ей, что купили их. Нам почти сорок, если что. Чего ж ты ждешь, девочка в пальто на ватине?

И вот я стою в магазине среди спортивного инвентаря и изо всех сил решаюсь на растрату. Топаю точеными лезвиями в резиновый коврик и пытаюсь собрать в голове сто аргументов в пользу покупки пижонистой пары с белой опушкой и рисунками. Дороговато, черт.

Но один аргумент кажется мне особенно убедительным. В конце концов, у меня дочь подрастает. И ей перейдут по наследству расписные конечки на волшебном скользящем ходу – не с чужой причем ноги, а с родной. Вот увидишь, я буду с ними бережно, и к твоему 38-му размеру они будут как новые.

Я. Родительское собрание

Мне всегда хотелось узнать, о чем говорит наша классная с родителями на родительском собрании. Не хочется, знаете ли, каких либо неожиданностей: придешь такая домой, а тебе – ну-ка, отвечай за все свои прегрешения, а ты и знать не знаешь, за какие именно.

И вот однажды я решила не идти после второй смены домой, а постоять под дверью и послушать, что говорят на собрании. Если застукают, скажу, что жду маму, да и все. Подслушивать нехорошо, знаю-знаю, но я же по делу, в целях, так сказать, личной безопасности.

Сначала классная говорила про нашу успеваемость, потом про поведение – про весь класс оптом. Потом перешла на личности. Накапала на Фомина, что он в столовую не ходит. Потом на Бакина, что он дрался. Потом на Белокозову, что опаздывает. Потом про меня, что на переменах я хожу, уткнувшись носом в телефон. И что все так ходят. Ну, я уже привыкла, мне всегда за телефон достается.

Мама обычно кричит:

– Вот что ты там делаешь? Ты знаешь, что интернет – это очень полезная штука, не только шарики и ролики там во всяких игрушках гонять. Вот у меня в интернете стопицот (она прямо так и говорит, чесслово!) важных дел: я письма там пишу, книжки читаю, работу работаю, заказы получаю, учусь чему-нибудь, новости узнаю, погоду, рецепты. Да у меня полжизни там проходит, а у тебя что?

Зануда ты, мамка. Так и у меня ведь там полжизни проходит. Жизни у нас разные, поэтому они проходят у нас по-разному: кто-то работу работает, а кому-то и в игрушки поиграть надо. «Голодные игры» я там смотрю, бе. И Миядзаки. И сайты про рисовашки всякие.

А собрание дальше идет своим ходом. Деньги какие-то на ремонт родители решили собрать. Стали придумывать, куда нас на каникулы сводить (никуда не водите, дайте на диване полежать спокойно, у меня два репетитора, тренировки, куча домашних, бытовые обязанности и присмотр за Котькой. Было еще время, когда я в музыкалке занималась, но отвалилось, аллилуйя. Нашла я в себе силы сказать «нет» гаммам и этюдам. Родители сказали что-то про проявление характера и отстали).

И тут зашла речь про пятидневку: надо нам шесть дней в неделю учиться, или не надо.

Все родители кричат:

– Надо! Надо! Меньше по улицам болтаться и сидеть в своем интернете будут!

А моя мамулька своим девчачьим (она еще картавит у меня) голосочком говорит:

– Пусть будет пять дней по восемь уроков!

Вот коза, а?

– А шестой день пусть занимаются творческой работой и самообразованием. У них вон какие нагрузки: если сложить часы в школе, домашние задания, кружки и репетиторов, то получается полноценный восьмичасовой рабочий день взрослого человека. А у нас с вами, между прочим, по два выходных в неделю. А у них – только один.

Нет, не коза, лапулька моя. Даешь равные права детей и родителей! Всем по два выходных!

И все родители как-то притихли, стыдно им стало, что ли?

Тут собрание с темы пятидневки съехало опять на тему поведения. Не все, оказывается, граждане нашего класса приходят после уроков домой вовремя – болтаются где-то часа по четыре. Ну, где тут у нас на районе четыре часа после шести уроков болтаться можно, я не знаю. Но где часок-другой провести интересно, догадываюсь. В столовке нашей школьной. Приходят туда некоторые (не я, у меня репетитор то по математике, то по английскому) и пьют чай с плюшками.

Родители – снова в бой:

– Да как же это? Да что же это? Что за безобразие, улюлюлю!

И мама моя тут снова встречается:

– Но они же там ничего плохого не делают?

– Да нет, – отвечает классная, – не делают. Сидят и культурно общаются.

– Без телефонов? – спрашивает мама.

– Удивительно, но да, – отвечает классная.

– Так это же прекрасно! – говорит моя мамулька. – Сидят, общаются, культурно, без телефонов, в стенах школы... Не в подворотне же стоят с сигаретами.

Мам, чо как маленькая, некоторые уже стоят. Не, не я. Я ж спортсменка.

А родители:

– Так по два часа ведь сидят!!!

Маман-шарман не унимается:

– А вы попробуйте с ребенком договориться: час или полтора тебе на посиделки в столовой, а потом сразу домой. Договор ведь великая сила.

Это да. Что великая, это я на своей шкуре хорошо знаю. Хоть тресни, а сделай. Но зато потом к тебе никаких претензий. Очень удобно. Я бы еще на бумаге фиксировала и скрепляла кровью. А то мама заключит пакт на словах, а сама же потом про него забудет. А я ей – раз! – достаю договор с подписями и печатями: я хорошие оценки за четверть принесла? Принесла! Где моя поездка с классом в Белокуриху?

Короче, я поняла, что после этого собрания опасаться мне нечего, и решила уйти пораньше – немного постоять в подворотне, подышать свежим воздухом, столовка-то уже закрыта. Подворотня – это угол школы по-нашему. Там и не покуришь как следует, все на виду, люди идут по дорожкам. Но некоторые умудряются.

– Тебе, Бакин, – сказала я стоявшему там Бакину, – влетит за драку на прошлой неделе. Тебе, Фомин, за то, что в столовке не питаешься. А я домой пошла, мне сегодня бояться нечего.

Но напрасно я расслабилась.

Приходит домой мама и говорит:

– Если тебе захочется после уроков чаю попить с плюшками в столовой, то я не буду против. Только предупреди.

– Угу, – киваю я, глядя в телефон.

– Ты в столовую-то вообще ходишь со всеми? А то некоторые не ходят.

– Угу, – снова киваю я.

– И мы тут еще решили, – говорит вдруг мама, – что совершенно необходимо нашему классу группу «ВКонтакте» создать. И писать там разные полезные вещи.

Што?

– Кто администратором будет? – спрашиваю я с нехорошими предчувствиями.

– Я, – скромно сообщает мама.

Черт. Черт. Черт. Это черт знает что такое! Кто вообще в эту группу вступит? В которой чья-то мама администратор. О чем там вообще писать можно? А в меня пальцами будут тыкать: смотрите, у нее мама – администратор группы «ВКонтакте», в игнор ее, в черный список, и группу их туда же!

Но вы знаете, как-то у нее это прокатило: почти все наши добавились, двое даже в модераторы попросились: одна – про моду писать, другой – про музыку. Президент нашего класса там важные объявления делает: нарежьте снежинок, нарисуйте стенгазету. Летом мама стишки всякие постила из списка Веры Борисовны для внеклассного чтения. «Кто прочитал – ставьте лайк! Посмотрим, сколько нас». И наши ведь читали, и лайки ставили! Просто удивительно даже.

Больше всего, конечно, мне доставалось.

– Зайди «ВКонтакт», – кричит мама с кухни, – я там Бунина выложила! А он, между прочим, нобелевский лауреат! И лайк не забудь поставить!

А вы говорите, «выпрашивать лайки в интернете». Да что вы знаете об этом...

Она. Фортепиано

Два года в музыкалке, и все зря. Ну, решил так человек, что ж поделать. Нет так нет. Мы и сами видели, как интерес к музыке упал до нуля: все сложнее было ее усадить к инструменту. Но я не хочу в старости вот этого: «Я, может, бить чечетку хотела, а вы меня – на фортепиано...» Хотя и с танцами тоже не сложилось. И с пением. И с научными экспериментами. Мы, точнее, она, все попробовали. Давали возможность выбрать. А, может, не надо было? А надо было жестко: ходи, пока диплом не принесешь. Короче, «какую бы вы стратегию не выбрали, вашим детям все равно будет что рассказать психотерапевту».

Но про музыкалку приятно вспомнить. Докотькинская эпоха. Одни «пятерки», концерты, экзамены, мы с бабушкой в зале сидим гордые... Стоп, это всего лишь наше тщеславие, а жизнь-то – её.

Вот как это было.

Нет, я не в восторге. Я совсем не в восторге от того, что у меня дома появилось пианино. Лет двадцать эдак пять назад я очень бы этого хотела. Но теперь – не очень. Воспринимаю как данность. Ну, видать, звезды так взошли, чтобы в большой комнате встало старое, расстроенное пианино.

Мы его настроим. Мы ноты уже на него положили – достались как приданое к пианино. Нам грузчики, пианино на восьмой этаж поднявшие, посоветовали внутрь банку с водой поставить. Мы поставили. Теперь настройщика ждем. Морально готовимся к гаммам и разным пассажам.

А в нотах – песенки всякие, Шаинский, Пахмутова-Добронравов, пропа-а-ла собака-а, и тому подобное. И даже самоучитель есть – Мохеля и Зиминой, 1960 года, Музгиз. Есть в нем ария индейского гостя из оперы «Садко» и контрданс-экосез. Мохель и Зимина, вы вообще уверены, что это можно самостоятельно выучить? Не одно поколение, говорите, выросло, выучилось, и никто-никто таких вопросов не задавал?

И вот буду я читать самоучитель и пальцем так в клавиши тыкать – где тут у вас «до» второй октавы? Чего, вы там говорите, бемоль у вас делает? Страшно интересно, смогу ли я – человек,

никогда в тесных связях с музыкой не замеченный, что-то в этих октавах и бемолях понять? Ну, не так, чтобы фугу Баха по памяти играть, а так, чтобы песенку какую-нибудь детскую разучить, всего-навсего ради интереса. И вообще, есть ли слух у меня, тоже очень интересно проверить.

А пока на пианино у меня только легкая досада. Во-первых, вон сколько места сразу заняло. Мне и так кажется, что квартира с каждой минутой хламом прирастает, а тут сразу – здрасьте! – приросло целым пианино. Интерьер опять же портит – у него фасад выщерблен и вообще совсем не в тон обстановки. Гостевые дети теперь все на нем блямкать будут без усталости. А для меня вообще-то лучшая музыка – это тишина.

На грузчиков потратились, а могли бы в кино сходить. Короче, пока одни только претензии к новому предмету мебели.

Нам его соседи на время дали, пока наш ребенок к музыке интерес имеет. Как интерес пропадет, просят вернуть. Раз дали, пусть тогда потом на блямканье и гаммы эти бесконечные не жалуются.

Я тоже, может быть, в детстве интерес к музыке имела. Только моим родителям пианино никто отдать не стремился. Хотя у многих было. У Аллы Иосифовны из 26-ой было, у Барашковых было, у Аблиповых было.

Мне вообще тогда казалось, что учиться в музыкальной школе – это зашибись как здорово. В школе субботники, генеральная уборка класса, заклейка окон на зиму, классный час или еще чего, а нашим музыкантам так сразу в музыкалку надо. Правда, потом отдувались на всяких школьных концертах. Из нашего класса в музыкалку ходили Аблипова, Фогнер и Заборов. Аблипова – на ф-но, Заборов – на баян, а Фогнер – на гитару. Многие, конечно, со временем с музыкой завязали. Кроме Фогнера, он теперь в Германии живет и там, наверное, известный музыкант. И еще Маргариты Барашковой, она, когда выросла, музработником в детском саду работала.

Маргарита Барашкова была моей соседкой и училась в музыкальной школе. Когда нам было лет семь или восемь, я пришла к Маргарите и сказала:

– Давай играть в музыкальную школу. И ты меня учить будешь, а то меня родители в музыкальную школу не отдадут.

Пианино у Барашковых было черное, с желтыми клавишами,

наверняка старинное. И оно было бабушкино.

Маргарита показала мне, как играть одним пальцем «Как под горкой, под горой торговал старик золой...» Все просто, фигня какая. Вот смотри, сначала вот эту жмешь, а потом эту... Да что ж ты за бестолочь такая, раздражалась кудрявая Маргарита. Ну, смотри еще раз. Да не сюда, а вот сюда жми. А сюда два раза. Ну, поняла? Ничего я не поняла и снова нажала не ту клавишу. Как с тобой трудно, вздыхала Маргарита. Она взяла красный фломастер и нарисовала на желтых старинных бабушкиных клавишах цифры – один-два-три, в какой последовательности их нужно нажимать. Я сыграла эту «как под горку» без сучка и задоринки. Молодец, похвалила меня Маргарита, завтра будем учить «У дороги чибис». А теперь помоем клавиши.

И она принесла мокрую тряпочку. Мы начали тереть клавиши, а клавиши стали блять и гудеть под нашими руками. На пожелтевшем лаке оставались бледные розовые циферки. Надо с мылом, решила Маргарита и пошла в ванную мылить тряпку. Но мыло циферки не оттерло. Надо одеколоном, решила Маргарита и принесла дедушкин «Шипр». Запах «Шипра» ел глаза, но и одеколон не оттер еле видные циферки. Может, ацетоном, спросила я. Лучше не надо, в панике прошептала Маргарита. Что сказала про «оцифрованное» пианино бабушка, я не знаю. Но завтра учить «Чибиса» я к Барашковым не пошла...

Наташа Аблипова, когда я ее попросила, тоже взялась меня учить музыке. Это было классе в шестом или пятом. Она уже умела играть самое начало «Лунной сонаты», а потом сбивалась. А «К Элизе» уже не сбивалась. Вот «К Элизе» давай и выучим, сказала Наташа. Я еще подумала, странное название какое – Кылизе. А потом в нотах увидела, что «К Элизе». И она показала вот это: па-па-па-па, па-ра-ра-рам, па-ра-ра-рам, па-ра-ра-рам... Ну, в общем-то, ничего сложного. Сначала вот сюда, а потом вот так и вот так. И у меня даже получалось вот это «па-па-па-па». А потом нам надоело. И я решила, что неспособна к музыке.

А потом я вдруг, сама того не ожидая, стала учиться играть на гитаре. Я уже перешла в другую школу, и у одной нашей одноклассницы брат играл в рок-группе. И она сама тоже умела играть на гитаре. А все вокруг, куда ни плюнь, или уже умели, или учились играть на гитаре. Ну, почти все. В десятом-то классе. Ну, как

умели? Кто-то и вправду умел, а кто-то только думал, что умел. Но моя-то одноклассница еще немножко умела играть на скрипке. А скрипка – это ого-го-го, это буквально высшая математика в музыке!

Однажды в декабре моя мама пошла в гастроном за продуктами, а принесла оттуда в бумажной обертке гитару. Мама, наверное, и сама не поняла, как это вообще у нее получилось. Гитара, занесенная с мороза, подернулась легким таким туманом на деке, была гулкой, с гудящими струнами, вся такая ах, вкусно пахнувшая новым, неожиданным, но оказавшимся таким желанным, приобретением... Деревяшка, купленная в магазине культтоваров, который находился в одном здании с гастрономом.

Озябшая гитара осталась дома отогреваться, а я сразу побежала к Наташе, у которой брат играл в рок-группе. Учи меня, выпалила я, едва успев выпрыгнуть из валенок в прихожей. Наташа нарисовала на листке линейки, а на них кружочки. Это аккорды, сказала Наташа. Этот звучит вот так, а этот – вот так. Пробуй. Я поставила пальцы на струны, как мне нарисовала Наташа. Но ни тот, ни другой аккорд, как им следовало, не зазвучали. Надо прижать сильнее. Я прижала сильнее. Но снова получилось только дребезжащее блямканье. Еще сильнее, сказала Наташа. А теперь переставь вот этот палец вот сюда. Но палец не переставлялся. И Наташа стала разгибать мои окаменевшие пальцы. Боем не получается, сказала я, может, перебором? Через десять минут мы обе устали и пошли плести феньки из бисера.

Дома я еще пыталась что-то изобразить на гитаре из тех трех аккордов, но на подушечках пальцев струны оставляли глубокие больнючие борозды. Мне сказали, что скоро на пальцах должны появиться мозоли. Но они что-то не появлялись. Без мозолей и музыка не шла, какая может быть музыка без мозолей? Гитару вскоре отправили за шкаф, и мир музыки закрыл для меня свои двери.

И вот, когда, казалось бы, не будет уже музыке места в моей жизни, я обзавелась пианино. Моя мама, надо сказать, в детстве не угнетала меня воспитанием. У нас был заключен пакт: я хожу в любые, какие хочу, кружки, а мама не выслушивает на родительских собраниях про то, что ее дочь болтается по улице. И я ходила, куда считала нужным и сколько считала нужным – то на байдарку, то на хореографию, то в кружок кройки и шитья, эк меня мотало. Мама спросит: «Ну, как там дела, на шитье-то?» Какое шитье, мам, я уже

месяц танцую и ногу на станок закидываю. Такая, видимо, была у меня беспокойная и всежаждущая натура. Дольше всего я задержалась только в кружке по изучению языка эсперанто – на целых два года.

И вот с внучкой мама решила наверстать упущенное. В шесть внучкиных лет она отвела ее на танцы. В семь лет разглядела в ней певческий талант. А почти в восемь решила дополнить его музыкальным образованием. И пианино тоже она нашла, и грузчиков, и настройщика. А вдруг, чешется мое материнское тщеславие, ступает сейчас мое дитя и на путь большой, настоящей музыки? Но мы-то нет, мы не будем, если вдруг дитя заартачится, привязывать его к инструменту, что вы, упаси Господи. И бабушке не позволим.

И вот хожу я мимо, стираю пыль с крышки и поглядываю на Мохеля и Зимину. А что? А, может, и вспомню еще, как вот это па-па-па, самое начало «К Элизе» играть. А пока пойдем-ка, доченька, сыграй мне «Та-та, два кота, черный кот в чула-а-ане, все усы в смета-а-ане»...

Я. Когда мама и папа были детьми

Как часто я это слышу: «Мы в твоём возрасте то, мы в твоём возрасте сё...» И учились-то они хорошо, и в пять кружков ходили, и по хозяйству шуршать успевали. Ну-ну. А жили-то вы когда, дорогие мои родители? Ну там, тусовались, в киношки ходили, в кафешки – когда вот это все у вас было? В общем, не слишком-то и завирайтесь. Стоило мне только втереться в доверие к обеим бабушкам, да порасспросить их про вас, так тут же и выяснилось, что были вы нормальными такими детьми. Я даже удивляюсь, как некоторые ваши делишки вам вообще с рук сходили. Начнем с папы.

* * *

Папу до пяти лет воспитывали по японской системе: ребенок – это маленький император, и все такое, любите и поклоняйтесь. Даже когда папа прыгал с холодильника, его не ругали. И даже когда он выстрелил утиной дробью в какого-то дядьку из охотничьего ружья: он злоумышленник был, зашел во двор и пнул собаку, а папка был дома один, вот и решил заступиться за Пальму. Вот чувак был, горжусь прямо им. Но его из-за этого даже в первый класс не хотели брать: очень уж непредсказуемый тип. Но дедушка как-то директора школы уговорил. И папа, в общем, не подвел. Он быстренько записался во все кружки: какое-то там конструирование, моделирование и мотокросс, и вся его атомная энергия ушла в мирное русло. Короче, про пять кружков – это правда. Но прыгать с холодильника? Это сильно даже для меня. На это еще даже наша Котька, а ей все прощают, не отважилась.

* * *

Теперь про маму. Мама в детстве была не так крута, как папа. Совсем печаль. Когда мама была маленькой, она зашла в большую лужу и стала на самую середину. Лужа была глиняная, и сапоги присосались (азаза, вот умора), прилипли, то есть. И так стояла мама посреди лужи, даже ногу поднять не могла. И стояла бы так до

самого вечера, если бы ее не увидела соседка. Она взяла маму под мышку, достала ее из сапог, перенесла через лужу и усадила на лавочку, а потом отодрала от глины резиновые сапоги. Так себе случай, если честно.

* * *

Когда мама училась в четвертом классе, она ушла в поход. Вообще-то в поход собирался весь класс вместе с классным руководителем, но пошли только мама и еще две девочки. Они встретились возле школы и увидели, что больше никого нет, но поход решили не отменять – не пропадать же бутербродам и чаю в термосе? И они втроем пошли в лес, а путь в лес пролегал через кладбище... у-у-у. Страшно? Нет, им было не страшно. Самое страшное началось, когда они вернулись, и их встретили родители! Мама говорит, что я расту, не зная слов «ремень» и «угол». Мама, судя по всему, знала эти слова очень даже хорошо.

* * *

Когда мама была маленькой, ее отправили в булочную за хлебом. И она пришла домой только через три часа, потому что вместе с этой несчастной булкой каталась на горке. Маму выдала оледеневшая булка. В других историях про маму и продукты присутствуют разлитый по дороге бидон молока, обкусанный опять-таки хлеб и наполовину выпитый квас. И что? Я вон однажды ногой в торт наступила, и ничего, не расстроилась. Случайно вышло: принесла торт из магазина, поставила его на пол и стала разуваться. Ну, и как-то так вышло, что моя нога опустилась на крышку торта. А торт, между прочим, мой был, на день рождения мне же и предназначался. «Ты какой-то человек-камень, – сказала тогда мама. – Я бы в твоём возрасте расплакалась». Тоже мне проблема, пошла бы да новый купила...

* * *

Когда папа был маленьким, он не давал своей сестре встречаться

с парнями. Ему было очень интересно, что у них на свиданиях происходит! Если бы у меня был такой брат, уж он бы огребся. Но у меня есть Котька, и чувствую, что в этом смысле она будет стоять двух братьев сразу.

* * *

Когда мама была маленькой, она упустила двух волнистых попугайчиков, которые летом жили в клетке на балконе, потеряла кошку, а хомяки у нее вообще умерли! Пусть не говорит тогда, что я о своей черепахе плохо забочусь!

* * *

Когда папа был маленький, он подарил свою цигейковую шубу одному соседскому мальчику. Семья мальчика жила очень скромно, и вот когда соседский мальчик за солью пришел, папа ему шубу – раз! – и отдал. Его родители поворчали, но ругать не стали – шуба-то старая была, да к тому же моему папе маловата. Ну, и как-никак, это ж доброе дело, а за добрые дела и ругать как-то неловко. Отличный был чувак, говорю же вам.

* * *

Когда мама была школьницей, в школе на уроках труда она училась шить прямую юбку, а припуски на швы нарисовать забыла. Юбка вышла такой узкой-преузкой, что мама в нее еле втиснулась и пошла на школьный показ мод в честь праздника Восьмое марта. И юбка порвалась прямо на сцене – все слышали, как она по шву затрещала! А говорила, что по труду всегда у нее «пятерка» была. «Шить надо уметь, шить надо уметь...» – вот что я слышу, когда мама заставляет распороть кривые швы на фартуке. Так и хочется вернуть ввернуть что-нибудь про эту ее дыркоюбку...

* * *

Когда мой папа был маленьким, ему было негде купаться. Ну, то есть, в городе, где он жил, была всего одна речка, да и то очень мелкая. Папа в ней, конечно, купался, но как-то без удовольствия. Он надевал маску для ныряния и полз на животе по дну, а ж..., ну то есть это самое в купальных плавках, в это время над водой была видна. И папа решил эту речку углубить. Он сделал самодельную бомбочку и взорвал реку. В реке появилась яма глубиной ему по грудь, и папа с друзьями плескался в ней целую неделю, пока яму снова песком не затянуло. Отличный, отличный чувак, жалко только, что давно вырос, а то бы с ним позажигали!

* * *

Когда мама была маленькой, однажды она сварила щи. Пришел с работы ее папа, то есть дедушка, и стала она его щами угощать. Открывает папа крышку – а там! – прихватка в супе плавает – желтая такая, из фланелевой ткани в клеточку. А еще мне говорит: «Внимательнее надо быть, внимательнее!» Но мама говорит, что чемпион по невнимательности – это я. Все-таки отпустили меня с классом в Белокуруху, но я забыла дома кошелек.

– Это просто воплощение одного из моих кошмаров, – сказала мама, – уехать в командировку без копейки денег.

Ну, уж прямо и кошмар.

* * *

Когда мама была маленькой, она любила петь в ванной, потому что в других местах петь стеснялась. Однажды соседи сказали, что эти звуки они тоже слышали. «Кто у вас там воет по вечерам? Собаку завели?» Капец.

* * *

Когда мама была маленькой, то однажды решила уйти из дома. Уж не знаю, что там у них произошло, но мама вошла в комнату к родителям и объявила, что уходит на все четыре стороны. А родители

ей: «Да подожди, не торопись, хоть пельменей на дорожку поешь!» Мама пельменей поела, спать легла, а про то, что из дома уходить собралась, даже и не вспомнила. И эти люди говорят мне про силу воли, о том, что надо иметь собственное мнение и доводить начатое до конца. Ага-ага.

* * *

Однажды мама вместе с подружками, когда им было лет четырнадцать, наряжались парнями. Их об этом попросила одноклассница, что бы они так нарядились и с ней вечером погуляли, будто она с парнями дружит. Чтобы один старшеклассник увидел ее и приревновал. (Хм-хм, а если бы приревновал бы и побил?) Они надели ватники, такие куртки стеганные на вате, шапки кроличьи и валенки. Не, так-то идея может и здравая, но я видела у бабушки на даче ватник, чтобы я такое на себя надела! Рукалицо. Надо было пуховичок, кроссы какие-нибудь зимние, шапку унисекс. Мама говорит, что пуховик у нее на первом курсе появился, кроссовки – на втором, а слова «унисекс» не знал никто. Интересно, во что тогда вообще подростки одевались?

* * *

И еще про обоих моих родителей сразу. Когда они были старшеклассниками, то ходили на концерты рок-музыки и трясли там волосами. Ну, они еще не были знакомы, и ходили не вместе, но делали в одном возрасте примерно одно и то же. Должно быть, трясти волосами под музыку – это забавно. Они так в голос утверждают, что это было кру-у-уто, и ты (то есть я) не понимаешь. Что крутого, объясните. И еще они носили драные джинсы, и это тоже было кру-у-уто. А тут в чем крутизна? Пошел в любой магазин и купил, с любыми дырками, все так ходят. Но тогда, говорят, не все ходили. Дух протеста, все такое... И в этих джинсах они ходили на концерты и трясли волосами. Какие забавные у меня родители, однако. Сейчас и волос-то у них почти нет, и джинсов дырявых не наблюдается. Но они говорят, что это у меня еще впереди, может быть. Хм. Не знаю, не знаю...

Она. Фантики

Вы собирали в детстве фантики? И я собирала. А моя дочь фантики не собирает. Более того, я даже знаю детей, которые и конфет-то не едят.

Как так? Да вот так.

В нашем классе мама одного из ребят работала проводницей на московском рейсе. Перед Новым годом родительский комитет собирал деньги на подарки и вручал их Пашкиной маме, чтобы она привезла нам из Москвы целую кучу конфет. И чтобы каждому – по коробке «Птичьего молока», наказывал ей родительский комитет. И мандарины. И грецкие орехи. И жвачку такую – пять пластинок в одной упаковке. Пашкина мама впрыгивала в свой вагон, когда поезд уже начинал трогаться, махала ручкой родительскому комитету и своему Пашке на прощание. Надо ли говорить, что в нашей школе у нас были самые лучшие – потому что из Москвы – подарки?

Однажды моя мама поехала в отпуск по профсоюзной путевке в Ленинград. Уезжала она с одним чемоданом, а приехала с двумя. Во втором чемодане были сапоги для меня и моей сестры, и все свободное место между сапогами было заполнено конфетами, шоколадками, жвачками. А в каждом сапоге еще и по банке сгущенного молока обнаружилось. Чемодан конфет, это ли не праздник!

– Мне за этим молоком по очереди в четырех магазинах пришлось отстоять. В одни руки только один продуктовый набор дают, а там одна банка, – рассказывала мама. – Я подхожу к какой-нибудь женщине в очереди и предлагаю меняться: «Давайте, я вам из своего набора яйца и масло отдам, а вы мне – сгущенку». А конфеты там свободно продают, у нас таких нет.

Разве можно было выкинуть хоть одну бумажку от конфеты из такого волшебного чемодана? От шоколада «Тройка», например? Или от шоколада «Балет»? От «Мишки на Севере»? Рука не поднималась. Мы с сестрой аккуратно ногтем или монеткой, или еще какой штукой разглаживали серебристую фольгу от шоколада, чтобы она стала ровной-ровной, как зеркало. Зачем надо было хранить эту фольгу? Так, ни зачем, на память просто. Нюхать можно – она шоколадом

долго пахнет.

Кстати, вы заметили, что в шоколадках фольга стала не такая, как тогда – не такая блестящая, не так шуршит, не так сминается в маленький алюминиевый комочек? Да и конфеты мы едим все реже, и даже их вкус кажется чужим и незнакомым. Дело не в конфетах, они немного изменились. Дело в нас – редкая съедобная штука может теперь удивить нас и порадовать. Инфляция гастрономического счастья, вот что это.

Однажды наша младшая Котька впервые попробовала шоколадную конфету. Котьино лицо было одним сплошным изумлением – это ж надо, какой вкусной, оказывается, бывает еда! Котька сопела, облизывала липкую ладошку, причмокивала и приговаривала «мня-мня». Язык сворачивался трубочкой, потом распрямлялся, проходил по губам и подбородку, возвращался к ладошке, к фантику с растаявшим шоколадом, удивление в глазах сменилось восторгом, а «мня-мня» – настойчивым «дядя»: Котька требовала добавки. Я так удивляться конфетам и вообще еде уже не умею – прошло.

А тогда мы с сестрой собирали фантики – каждая в свою коробку. Зачем? Ну, как зачем... В обычные дни в гастрономе можно было купить либо «дунькину радость», обсыпанную какао-порошком, либо «морские камушки», либо карамель в блеклых обертках с повидлом внутри. Твердый и вязкий – прощайте, пломбы! – ирис «Золотой ключик».

Шоколад, настоящие шоколадные конфеты доставались только по великим праздникам. И только раз в год нас заваливало самыми вкусными, самыми нарядными конфетами – каждому подарок в школе, на городской елке, с папиной-маминой работы, от бабушки...

Сладости сметелить – дело нехитрое, быстрое. А до следующего Нового года еще так далеко! Вот и разглаживаешь на худой коленке в коричневой колготине гармошкой яркую, пахнущую шоколадом «рубашку»... Белая начинка, темная начинка – какая разница! Разве бывают невкусные конфеты?

Однажды в санатории, где нам выдавали конфеты на полдник и «пятый» ужин, мы узнали, что фантики – это еще и азартная игра. Свернутый треугольником фант нужно было подкинуть ногтем большого пальца так, чтобы он отскочил от стены и задел фант твоего

соперника. Задел – «жизнь» врага долой! Сколько цветов на конфетной «рубашке» – столько и «жизней» у твоей боевой единицы. Самыми сильными считались треугольники из серебристой и золотистой фольги – «девятижизки» и «десятижизки» соответственно. Человека, который владел «десятижизками», победить было практически невозможно.

Еще мы знали, как из фантиков делать закладки для книг. Мы знали сто способов применения цветного телефонного кабеля. Мы умели шить из почтовых открыток шкатулки-ларцы. Мы могли оплести стержень для ручки обычными швейными нитками № 40, и много чего еще мы умели делать.

Нашим детям ничего такого не надо придумывать. Всю коллекцию фантиков сразу можно купить в одном магазине в любое время. И слава Богу. Но мне, правда, интересно, какой вкус самых больших своих праздников запомнят они, если и ларцы, и шоколадные россыпи достаются сейчас им слишком легко, слишком просто. Так просто, что кое-кому и пробовать не хочется.

Я. Мальчики

Иногда мама пытается поговорить со мной на всякие такие темы, ну, вы понимаете, какие. Но делает это очень и очень коряво. Вот, например:

– Котька, иди сюда, смотри, что по телевизору показывают!!! – кричит она мне из соседней комнаты.

Я раз так купилась. И что же там показывали? Программу «Беременна в шестнадцать». Это точно не про меня. Во-первых, мне пока не шестнадцать, во-вторых, я не беременна, в-третьих... Да какие там «в-третьих»! Меня даже в кино еще никто никогда ни разу не приглашал!!!

Думаю, потому что, я толстая. И челка у меня всегда торчком. И смеюсь я невпопад. Ну, и еще думаю, три года занятий айкидо сделали свое дело. Кто полезет ко мне со всякими глупостями – портфелем по голове или толкнуть в лужу, если я тому – сразу раз! – котэгаеси, кокью-наге или того хлеще, тэнчи-наге.

Но мама говорит, что и волосы-то у меня шикарные, и ноги красивые, и ростом-то я буду выше ее. Но остальное-то? Прямо скажем, не фонтан.

Но мама продолжает:

– Вот целоваться уже можно, а все остальное нельзя!!! Особенно все, что касается снятия штанов. Ну, то есть, штаны нельзя не снимать ни при каких обстоятельствах! По крайней мере, пока...

Господи, о чем она вообще? С кем целоваться? В нашем классе нет ни одного мальчика, которого бы мне захотелось поцеловать. Ну, а то, что от секса дети бывают, это я и так знаю. Откуда? Наша Котька не с неба ведь свалилась.

Надо сказать, что с появлением Котьки моя жизнь очень часто стала походить на программу «Беременна в шестнадцать», особенно в той части, когда у девочки уже есть ребенок, и она не знает, что с ним делать. Сейчас, конечно, когда Котьке уже почти четыре года, я знаю, что с ней делать – нужно просто включить мультики, и с Котькой ничего уже делать не надо. Но раньше...

Котька родилась, когда мне было десять лет. Первые два месяца я ее почти не видела, потому что жила летом у бабушки на даче. А когда вернулась, Котьку в ползунках мне сразу же дали подержать на руках, сфотографировали нас вместе для истории... И на этом моя спокойная жизнь закончилась. «Посиди с Котькой, пока я в душ». «Подожди с математикой, Котя плачет». «Подогрей себе сама, я не могу, видишь, Котю на прогулку собираю». Потом мне поручили выносить котькин горшок, потом – гладить маленькие котькины вещи, «ты только не все, конечно, какие сможешь». А еще Котька не спала по ночам почти три года. Однажды Котька выпала из кровати, и именно в тот момент, когда смотреть за ней было поручено мне. Вот крику-то было... И маминого, и котькиного.

Так что, про младенцев и их устройство я знаю почти все: какие у них кашечные памперсы, слюнявые противные слюни, какие у них заляпанные едой футболки. Как у них портится характер, когда лезут зубы. Какие они приставучки и оруны. Правда, с годами Котька почти избавилась от этих своих вредных младенческих привычек. Но она по-прежнему вытирает руки после еды о стенку в кухне, роняет куски на пол. И они по-прежнему говорят мне: «Уступи Коте, она же маленькая, а ты старше». Котька ходит за мной хвостиком, лезет в мой телефон. Берет мои вещи. Тетрадь на столе нельзя оставить, чтобы ее Котька не изрисовала. Брр, как надоело это все! Хорошо, что я еще могу иногда сбежать от Котьки в школу или на тренировку. А если Котька была бы полностью моя собственная, мне бы пришлось вставать к ней по ночам, кормить ее по десять раз в день, мыть, стирать, выгуливать. Я как-то слишком молода для всего этого.

В общем, я немного завидую тем своим подружкам, которые не знают, что это за ад – жить в одной квартире с младенцем. Хотя, с другой стороны, Котька – мой родной любимый клопик, такая мимимишечка.

Но все эти мучения совместной жизни с Котькой! Поэтому ближайшие лет десять других детей, помимо Котьки, в моей жизни не будет.

Но однажды мама зашла к теме подростковых взаимоотношений с другого бока.

– Может быть, ты влюбилась? – брякнула вдруг она, решив, что я как-то чересчур грустно поедаю рассольник за обедом.

Я показала взглядом, что нет. Я вообще немногословный человек, особенно в разговорах с мамой, так-то я болтаю за милую душу. С Котькой, например. Мама говорит, что наши разговоры, как шумовая завеса – сквозь нее не продерешься: я, видите ли, Котьку шпыняю, а она орет, визжит и возмущается. Ну а что, мы должны вести великосветские или философские разговоры, что ли? «Многоуважаемая Клотильда», и все такое...

– Правда? – спросила мама.

– Угу, – ответила я.

– Но если вдруг ты влюбишься, а в тебя – нет, то ты не расстраивайся, – проявила мама чудеса эмпатии (да, я знаю такое слово). – Ведь не важно, сколько у тебя было поклонников, главное, какой тебе достанется муж.

Хорошо тебе говорить, тебе-то муж ничего такой достался. А мне-то когда еще? И достанется ли вообще? Судя по тому, как на меня обращают внимание представители противоположного пола, может не достаться вообще никакого.

И тут мне стало так обидно, что я сморщила все лицо, надеясь таким образом ответить маме: «Мол, не очень-то и хотелось».

– Раз уж я этот разговор начала, то уж доскажу, – продолжила мама.

Ага, действительно. А нельзя ли просто молча пообедать?

– Знаешь, все твои самые большие переживания еще впереди.

Пугает? Ой-ой.

– Может быть, так страдать будешь, что, кажется, сердце лопнет от горя.

Чо это сразу лопнет?

– И так может быть целых десять раз подряд.

Ничоси!!!! Целых десять раз подряд я буду влюбляться безответно и страдать!!! Какая-то печальная перспектива.

– А, может быть, с первого раза сразу возникнет большое взаимное чувство, которое сохранится на всю жизнь.

Нуданудануда.

– Однажды на первом курсе я влюбилась в старшекурсника...

Таак.

– Меня, знаешь, как молнией ударило, когда я его увидела. Прямо как в книжках пишут. Он был весь такой в желтых брюках, розовой рубашке, зеленом галстуке, и волосы до плеч.

Эээ, хипстер?

– А он в меня не влюбился. И я тогда думала, что я больше не смогу никого полюбить так сильно.

Это не папа был, что ли? Продолжайте, очень интересно.

– Но потом влюблялась и развлюблялась еще раз десять. А однажды устроилась на работу, прихожу в офис, а там сидит тот старшекурсник. И я подумала: вот тогда за такую возможность сидеть с ним в соседних кабинетах и видеть его каждый день я бы отдала одну ногу и один глаз.

Чума. Я представила свою мамку с костылем, на деревянной пиратской ноге, с черной повязкой с «веселым роджером», и подумала: «Вот дурешенька, кто же тебя такую-то потом бы полюбил?»

– ...но это бы тогда, на первом курсе! – продолжила мама. – А в тот раз ничего в моем сердце не шевельнулось. Просто тишина. Ну, то есть прошло все, как ветрянка. Может, только рубчик какой на сердце и остался.

– Знаешь, что я думаю, – сказала вдруг мама тихо и серьезно. – Несчастные любви, они тоже зря не бывает. Кто-нибудь там, в небесной канцелярии, сидит и смотрит на нас, девчонок, и думает: вот этой и так в жизни не везет, я ей сразу взаимную любовь выпишу. А вот у этой пять любовей было несчастных, хватит ей уже, пора бы и ей взаимную встретить. То есть рано или поздно все несчастные влюбленности как бы обмениваются на одну счастливую любовь.

Надеюсь, это она про папу. А то как-то странно слышать, что твоя мама десять раз влюблялась в каких-то старшекурсников, пока не встретила папу. И я стала перебирать в уме пацанов из нашего класса, в которых можно было бы быстренько десять раз повлюбляться. Все равно будет безответно. Они у нас такие бегемоты, что и не поймут даже, что кто-то в них влюбился. Так, глядишь, и время до выпускного быстрее пролетит. А потом приду я

такая на первый курс в университет, а мне – сразу раз! – взаимная любовь навстречу. В желтых штанах, в синей худи и с рюкзаком. Хотя нет, разве можно влюбляться просто так? Неправильно как-то.

Но я уже почти размечталась о том, какой будет моя взаимная любовь.

– Слушай, – всполошилась вдруг мама. – А может быть, ты грустная такая потому, что двоек нахватала?

Ну, мама! Не начинай!

Она. Книги

В нашем доме были три с половиной книги – две папины, про ремонт и устройство холодильников, а третья – книга писателя Гущина, изданная Алтайским книжным издательством. Остальное – наши с сестрой детские книжки, на сто раз читанные и потому уже неинтересные.

Вот у Инки дома были интересные книжки. Она выходила во двор и рассказывала:

– Было у короля три дочери, а потом он с ума сошел...

Или:

– Он видит – она лежит, вроде мертвая, но не мертвая, и сам себя – того...

Или:

– Она разделась догола, намазалась кремом и стала ведьмой, а мужик один любопытный – свиньей...

Позже я поняла, что Инка пересказывала нам «Короля Лира», «Ромео и Джульетту» и «Мастера и Маргариту».

У Наташки были интересные книжки, я у нее брала их почитать и всего Беляева прочитала.

У другой Наташки тоже были интересные книжки, одну она мне даже подарила. Он был защитник негров и мулатов, хотя и знатного происхождения. А она – мулатка, он ее полюбил и женился на ней. И возглавил движение за права негров, а за это за ними охотился ку-клус-клан.

У Инки был старший брат, который книги Шекспира и Булгакова брал в библиотеке. У первой Наташи были родители с высшим образованием и собирали домашнюю библиотеку. У второй Наташи мама работала в торговле. А мои родители работали на заводе и библиотеку не собирали. И старшей сестрой была как раз я.

Но книги я любила читать. Наверное, как только научилась читать, так сразу и полюбила. А пока не научилась, запоминала их наизусть. По крайней мере, есть в семье такое предание обо мне.

Называется «Лена и Муха-цокотуха».

Когда мои двоюродные братья Олег и Игорь пошли в первый класс, мне исполнилось четыре года. Вот они тогда передо мной важничали – и форма у них новая, и портфели, и ручки. И читать они уже умеют, не то, что некоторые...

Однажды пришли к нам в гости Олег и Игорь и давай рассказывать о своих успехах в учебе – по математике «звездочки», по чтению – «звездочки», а по физкультуре – вообще одни сплошные «звездочки». Тут моя мама не выдержала такого хвастовства и решила над ними подшутить:

– А у нас Лена, – говорит она, – тоже уже читать умеет, хоть и маленькая.

Братцы не поверили. Докажите, тетя Галя, говорят.

Мама усадила меня на диван, дала в руки книжку и говорит:

– Наша Лена умеет читать «Муху-цокотуху». Читай, Леночка!

И я пошла шпарить цокотуху наизусть, как по писаному. У братцев даже рты от удивления приоткрылись – они уже полгода в школе учатся, а читать еще только по слогам умеют! А я вещаю им – и про паука, и про комара, и про «букашки по три чашки»...

Но когда у братцев первый шок прошел, Игорек первым заметил:

– Теть Галь, а чего это она у вас книжку вверх ногами держит?

Читать, конечно, в четыре года я не могла. Да и не было тогда такой моды – детей с раннего возраста обучать чтению. Когда пришла пора и мне идти в первый класс, выяснилось, что читать и писать я не умею. Вязать крючком умею, омлет себе пожарить могу, а вот читать – нет.

Книжки мне иногда читала вслух моя подружка Ленка с четвертого этажа. Как так, удивлялась я, слушая Ленку – у нее, значит, сказка выходит, а я только каких-то черненьких жучков и паучков в книге вижу.

Когда до первого сентября оставалось две недели, меня силком усадили за стол и дали в руки букварь:

– Сиди, учи. Это буква такая, а это такая... Как же ты в школу собралась идти, если читать не умеешь? Что значит «не читается»?

Ты буквы друг с другом складывай, они и прочитаются! Из-за стола не выйдешь, пока не научишься!

Я пыхтела, дулась, горбилась, плакала, но противные жучки-паучки не складывались и не читались, оставаясь тайной и загадкой.

А потом как-то дело пошло. Раз! – и в один прекрасный день, паучки превратились в «а» и «б» и другие буквы.

К пятому классу на меня надели очки, так как от книг меня было уже не оторвать. Я брала книги у одноклассниц и была записана в три библиотеки – школьную, краевую детскую и у мамы на работе. Библиотекарь с маминого завода тетя Ира передавала мне приветы и книги по списку внеклассного чтения.

– А это тебе тетя Ира передала, – и мама выкладывала передо мной книжку, какую я не заказывала. Очень интересную книжку, как правило. И мне было интересно посмотреть, что там за тетя Ира такая, которая вот так, на расстоянии может угадать, что мне понравится, а что нет.

Книги вообще лучше людей, думала я тогда. Намного лучше. Книга не треснет тебя портфелем по голове, так что птички запоют и звездочки замелькают. Книге все равно, носишь ли ты скобки на зубах, есть ли у тебя близорукость и что на тебе надето. Книга делает тебе царский подарок – дает возможность пожить другой жизнью: искателя сокровищ, маркизы ангелов, сиротки Козетты и цыганки Эсмеральды. Больше таких подарков не делает никто в жизни, точно говорю. Разве что театр – актерам.

С тетей Ирой я познакомилась в заводском пионерском лагере. В ту смену все мне было скучно, кроме библиотеки, танцев, ну, и еще, пожалуй, купания. Я отпрашивалась на тихий час, укладывалась с книгой на пустую полку стеллажа и читала все подряд – подшивку журнала «Огонек», сказки народов мира, «Приключения желтого чемоданчика», учебник по болгарскому языку...

Тетя Ира доверяла заполнять мне читательские формуляры, принимать и выдавать книги. Наверняка тогда я считала это вполне стоящей работой, которой можно заниматься всю жизнь и испытывать что-то вроде счастья. Ведь, когда нет посетителей, можно читать, сколько хочешь, не прерываясь на уроки, школу, домашние обязанности. «А у меня работа такая – книжки читать!», – говорила бы с гордостью я. Конечно, именно такая! А какая же еще?

Вот придет посетитель, попросит посоветовать ему интересную книжку. Хорош же будет тот библиотекарь, который сам книг не читает и другим посоветовать не может!

Но смена закончилась, и тетя Ира вернулась со своими книгами на завод. Я потом еще много кем хотела быть – водителем трамвая, карусельщиком, учителем английского языка, инспектором по делам несовершеннолетних, швеей-мотористкой, экскурсоводом с громкоговорителем в автобусе. Я хотела эмигрировать в другую страну, жить в одиноком таежном доме, увидеть море. Я мечтала вырасти и покрасиветь, чтобы избавиться от косых взглядов. Я мечтала стать журналистом и брать интервью у звезд кино и музыки. Вы думаете, я забросила книжки и зубрила английский, готовилась к одинокой жизни в тайге или копила деньги на эмиграцию? Ничего подобного. То есть английский я зубрила, Стогоф фэмили и все такое, и даже складывала десятикопеечные монеты в пустую бутылку из-под бренди «Слынчев бряг».

Но книги я любила по-прежнему, потому что больше никого, кроме мамы, папы и младшей сестры я любить не могла. Никому не нравилось, если некрасивая девочка вдруг начинала говорить о своей любви. Вот красавицам, тем можно всё. Чушь, конечно. «И крестьянки любить умеют», это Карамзин сказал.

Открыто и честно некрасивые девочки в то время могли любить только книги, и поэтому во всех девчачьих анкетах на вопрос «Что вы любите больше всего?» я писала «Читать». А на вопрос «Кого вы любите больше всего?» отвечала «Маму», хотя хотела написать «Андрея М.»

Верхом моей смелости была попытка подарить Андрею М. книгу на 23-е февраля в шестом классе. Я долго выбирала и остановилась на книге о Таманской Краснознаменной дивизии. Подписывая книжку, сделала ошибку. От волнения, конечно. Плохой знак, подумала я, исправляя букву «т» на «д» в слове «будь». Подписала еще и открытку. Завернула в целлофан – не в тот, из которого с помощью утюга делали обложки для учебников, а в тот, праздничный, особенный, в какой цветочницы заворачивали гвоздики. На перемене дождалась, когда он выйдет из класса, и положила сверток ему на парту. Целых два урока мечтала, как он подойдет ко мне дня через два (книжка же интересная, про войну, быстро прочтает) и скажет: «Спасибо, Ленка, такая зыконская (или «четкая» скажет) книжка –

про войну, просто отпад!» Даже дружбу пусть не предлагает. Пусть просто прочитает и скажет. Но он молча подошел ко мне через два урока и ткнул сверток в руки. Даже не развернул, ему и так сказали, кто подложил. И все это видели, такой позор. Что же я за человек такой, если даже подарок от меня принять нельзя?

Книги, я же говорю, лучше людей. Они не отталкивают. Не выставляют на посмеище.

Я стала читать еще больше: гулять-то не с кем, говорить не о чем. О мальчиках? Мне нечего сказать о мальчиках. Я поехала в библиотеку имени Крупской и взяла хозяйственную сумку, которая, если расстегнуть «молнию», становилась в два раза вместительней. Я набрала книг, диафильмов и грампластинок. Да, «Робин Гуда», я давно хотела послушать спектакль про Робина Гуда. Буду слушать Робин Гуда, пока не окосею. Вот начнутся каникулы, и я не выйду из дома ни за что! Но я нарушила слово, я вышла на улицу в последний день весенних каникул. Меня выставила из дома взашей мама, когда узнала, что я за всю неделю не была на прогулке ни разу.

Окончив девятый класс, я забрала аттестат о неполном среднем образовании. В городе открывалась первая гимназия, и в газете напечатали объявление о наборе учеников. Чтобы попасть в нее, нужно было сдать экзамены и пройти по конкурсу. Из двух предметов я сдавала только историю. От экзамена по литературе меня избавило второе место в краевой олимпиаде.

В гимназии все поначалу было страшно. А история религий – это что? Второй иностранный язык – ух ты! Латынь еще – ой, мамочки. Преподаватели по русскому из университета – елки-палки, куда мы попали! И другие нравы, другие отношения. Все, абсолютно все в моем классе были новенькими. Как потом признавались одноклассники, каждый считал себя самым глупым, самым скучным, неталантливым. Те, кто сомневались в себе больше всех, вернулись в свои прежние школы. Те, кто остались, зажили веселой гимназической жизнью. И я тоже начала постепенно чувствовать себя человеком. Здесь ведь никто и не догадывался о том, что в прежней школе я была чучелом, а я сама показалась им вполне нормальным человеком.

Летом 1992 года нам предстояло сдавать выпускные экзамены. Ясно, что это такое – июнь, душа уже просится на волю, а тебе из одних экзаменов надо быстро перепрыгнуть в другие. Из выпускных

– во вступительные. Я зубрила историю, перемежая ее английским. В дверь позвонили. Мне, конечно, хотелось, чтобы в гости забрел кто-нибудь из одноклассников, но все были заняты примерно тем же, что и я. Я пошла открывать.

– Ленка! А-а-а! Зубришь? – орала на моей лестничной площадке почти половина класса. – Да она заучка, у нее в доме книгами пахнет! Не будет завтра экзамена! И вообще не будет экзаменов!!!

В то лето на нас свалился весьма щедрый подарок. Аттестаты мы действительно получили, не сдав ни одного экзамена. Нашим славным учителям несколько месяцев подряд не выплачивали зарплату, и они решили выразить своей протест забастовкой перед районо и отменой экзаменов. Оценки в аттестаты нам выставили по текущим нашим достижениям. А мы бастовали вместе с ними.

Чтобы сообщить радостную новость об отмене экзаменов, ребята приехали ко мне с разных концов города. Телефона тогда в нашей квартире не было. И я поняла, что у меня есть друзья. Некоторые из них остались ими на всю жизнь.

В новой школе было принято отмечать День гимназии. Знаете, что было самым замечательным? На специальной ярмарке мы покупали индульгенции – почтовые открытки с подписью учителя-предметника, который обещал отпустить предъявителю этого документа один грех – простить долг в виде пропущенного урока или ненаписанной контрольной. Это раз. В День гимназии в школу приезжала книжная лавка, это два. С праздника я возвращалась с огромным пакетом. Так в нашем доме завелись мои, собственные, пускай немного опрометчиво выбранные книги. Они встали на полку рядом с писателем Гуциным и ремонтом холодильных установок.

Мне кажется, наступают такие времена, когда книга снова становится лучшим подарком. Не знаю, как у вас, детей, а у нас, взрослых, это так. Три года подряд моя лучшая подруга по моей просьбе в день моего рождения дарит мне книги про Японию, а я ей – альбомы импрессионистов и романы финалистов «Русского Букера».

Андрей М., кстати, оказался неплохим парнем. «Прости меня», – написал он мне в «Одноклассниках».

Я. Чемпионат по настольным играм

А недавно моя мама полюбила вдруг настольные игры. Нет, я не против, пусть делает, что хочет, если она не пытается притащить это в мой класс.

Мама вообще человек увлекающийся. Как что увидит интересное в интернете, так сразу начинает пробовать.

– Давай варить мыло, Котька! – в один прекрасный день заявляет она.

Ну, давай.

И мы строгаем это мыло, ищем по всему городу красители и ароматизаторы, а потом не знаем, куда его сбыть. Приходится дарить друзьям и знакомым на все праздники. Моим друзьям.

– Котька, давай купим маленькую печку и будем делать украшения из полимерной глины.

Ищем печку. Нет печки, пронесло, фух.

– Котька, давай делать букеты из конфет – смотри, как прикольно!

Прикольно? Мне доверяют самую «интересную» часть – резать жатую бумагу на полоски.

Еще мы плели из бисера. Шили кукол. Вязали зайцев. Валяли кукольные валенки.

Но мне больше понравилось вышивать гладью – нас к школе на технологии учили.

– Нет, вышивание – это не мое, – заявила мама. – Прошлый век. Хочешь я куплю тебе алмазную мозаику?

Валяй. Но лучше картины по номерам. А еще лучше: можно, я просто «ВКонтакте» посижу?

Однажды маме приспичило купить лыжи.

– Видать, старею, – сказала мама. – Я их раньше терпеть не могла.

Кто ж тебя заставляет, мам?

– Скоро у нашей семьи – юбилей, – как-то объявила она. – В сентябре будет пятнадцать лет, как мы с папой поженились. День рождения нашей семьи. Как будем отмечать?

Мы с папой переглянулись и пожали плечами. Хотя как. Мама что-нибудь нафантазирует сейчас.

– Мы можем покутить в ресторане, но это как-то глупо, – сказала мама.

Ну да, в KFC я бы еще пошла. Однажды я была в ресторане, мы с мамой ходили на свадьбу к ее брату, а папа остался с Котькой, потому что Котька, вот кремень-человек, в свои два года наотрез отказалась наряжаться и выходить из дома, потому что не покакала. Еда в ресторане была вкусная, музыка – шумная. Посидеть за столиком я и дома смогу.

– Мы можем с папой вдвоем куда-нибудь сходить, – продолжила мама, – но тогда получится, что праздник только у нас двоих.

Да, было бы неплохо, если бы мама предложила что-нибудь оригинальное. Например, поход на скалодром. Но я представила, как Котька висит в полуметре от земли на страховке и верещит своим самым противным голосом. Или поход в аквапарк, и Котька стоит на бортике и орет: «Вода холодная, там акулы, я боюсь», потому что Котьку и в ванну-то не засунуть.

– И я придумала сделать всей семье подарок! – объявила наконец-то мама. – Давайте купим всем лыжи и будем зимой каждые выходные ездить в лес.

– Ты уверена? – спросил папа. – Точно лыжи? Не шубу, не кольцо и не что там обычно просят женщины в подарок на хрустальную свадьбу?

– Точно-точно, – сказала мама.

– Ты же лыжи терпеть не можешь еще со школы, – сказал папа. – Ты же коньки любишь.

– Ну, коньки у меня уже есть, и они Котьке-старшей уже по наследству перешли. Да и накаталась я что-то, коленки скрипят. А вот лыжи... Вот представь, скоро мы станем старенькими, выйдем на пенсию, дети разъедутся. Что мы будем делать длинными зимними вечерами?

– Я бы в «Танчики» играл, – сказал папа, – сейчас-то некогда.

– Лыжи, дорогой, – сказала мама, – это наш с тобой будущий фитнес. Мы будем старенькими, но крепенькими.

– Тогда давай еще купим всем по велосипеду, – предложил папа.

И теперь в нашей семье шесть комплектов лыж: старые котькины, мои, из которых я уже выросла, а Котька еще не доросла, и еще четыре пары новеньких – подарок нашей семье на хрустальную свадьбу. Ну, а что еще покупать? Действительно. Хрустальную посуду, сказала мама, раньше дарили на всякие праздники, но теперь хрусталь давно уже не в тренде. Но звенит прикольно – есть у нас пара вазочек.

Угадайте, сколько раз мы съездили в лес за эту зиму?

Один! И еще один раз в марте, но это была уже не зима.

И вот мама увлеклась настольными играми. У них в институте стали внедрять игротерапию, и они там теперь сами играют в крутые настолки и других учат. Как-то раз мама принесла их домой, и мы все выходные резались в «злую собаку» и «скоростные колпачки».

Потом наступило лето, и мы втроем – я, мама и Котька – поехали на недельку на озеро. Погода летом у нас бывает непредсказуемая, потому что климат в наших краях резко континентальный: как-то мы выбрались в середине июля на другое озеро и целую неделю просидели на берегу под навесом в куртках и полотенцах – ждали, когда закончится дождь и выглянет солнце.

И мама сказала, что нам нужно продумать альтернативный вариант досуга – на тот случай, если загорать и купаться не получится. Мы поехали в магазин и привезли оттуда целый рюкзак игр. Погода в этот раз была отличная, а в игры мы играли по вечерам и в середине дня, когда было самое пекло, и мама держала нас в тени какого-то большого дерева. Нам с Котькой понравилось, и всем детям в радиусе много метров тоже. Мы валялись на спальнике с «крокодилом», и все дети подходили и спрашивали:

– А что это вы тут делаете? А можно с вами? – и мы всех брали в свою компанию.

И после этого маме как вожжа под хвост попала. Папа сказал, что это уже похоже на игроманию средней степени, так как мама стала спускать все свободные деньги на настолки. И еще дарить их

нам (только нам ли?) на все праздники.

На первое сентября – «дженгу». На Новый год – «шлеп-усы». На день святого Валентина – «свинтуса», ага.

Мама радовалась:

– Теперь я знаю, чем занять гостей! Вы теперь совсем не смотрите телевизор!

Но однажды – та-да-да-дам! – она сказала:

– Котька, надо в твоём классе провести игротеку!

Нет. Ни за что. Вы можете представить себе маму, которая приходит к семиклассникам с огромными сумками, полными настольных игр, и говорит: «Давайте сдвинем столы и сядем кружком, хочу показать, как ещё можно проводить свободное время – весело и с пользой». А то мы сами не знаем.

Правда, она так и сказала. Я слышала, как она разговаривала с классной по телефону:

– Нет, пусть придут только те, кому это будет интересно. Пусть это всего лишь пять человек. Да хотя бы и три, – сказала мама, когда классная уже положила трубку, – и одной из них будешь ты.

Почему опять я? Все время я! Я не хочу в этом участвовать! Ты опозоришься, а страдать потом мне всю жизнь, пока школу не окончу!

В общем, так удачно совпало, что в тот день меня оставили на дополнительное занятие по физике, и я не видела всего этого кошмара – как моя мама режется с одноклассниками в «барабашку». Я сидела на физике и представляла, как никто её не слушает, все орут, потом без всяких «до свидания» подсакивают и уходят. Маму было жалко, мне – как-то не по себе.

Но мама вернулась домой довольная.

– Представляешь, пришли двенадцать человек! Ира порвала всех в «скоростные колпачки»! Егор сказал, что в следующий раз будет ведущим на «злой собаке». Жалко, что тебя не было.

Мама написала в нашей группе ВК: «Если хотите сыграть ещё раз, пишите в комментариях». Но никто не написал.

– Ладно, не буду навязываться больше, – сказала мама.

И то правда. Давно тебе об этом толкую. Играй дома с Котькой, если тебе так хочется.

Но через месяц мама где-то повстречала нашу классную руководительницу.

– А вы к нам еще придете? – спросила та маму. – Дети очень интересуются.

Мама тут же собрала свои чемоданы с играми и в ближайшую субботу полетела в школу. Пропустить такое второй раз я уже не могла, поэтому пришла после уроков в наш кабинет. Там, конечно, дым стоял коромыслом: Макс орал на «доббле», как сумасшедший, Жека на «собаке» каждый раз подскакивал, ронял стул и хватался за сердце, когда она начинала лаять – рисовался, конечно. Бакин и Фомин с шумом рушили «дженгу». Девочки отсели от мальчиков и играли в «свинтуса». Мальчики кидались карточками. Мама резалась вместе с ними и выглядела жутко довольной.

– Иди к девочкам, – крикнула она, – они еще не начали.

Вот так прошел в нашем классе чемпионат по настольным играм. В следующем году, пообещала мама, она сколотит команду и выставит ее на городской чемпионат – есть, оказывается, и такой. И всех победит. Но только нужно будет еще потренироваться.

И нам совершенно не хватает, сказала она папе, «падающей звезды», «бамболео» и «мышек в сыре».

Папа только вздохнул и пошел в коридор-тамбур понадежнее приладить шесть пар лыж под потолком – зима-то уже совсем закончилась, даже та, которая в марте.

Она. Открытки

В детстве у меня была большая коллекция открыток. Самых разных – с ноябрьскими гвоздиками, восьмимартовскими мимозками, артистами кино, зайчиками, белочками, снеговиками, едущими на грузовиках с новогодними подарками... Штук двести, наверное, было.

В средних классах я стала переписываться с иностранными школьниками. Был в этом элемент престижа и, стало быть, корысти. У моей одноклассницы Риммы было два друга по переписке из ГДР – Магда и Мирко, брат и сестра, которые заваливали ее марками, наклейками, постерами из журналов, открытками и даже мелкими пфеннигами. Всякой ерундой, которую можно запихать в почтовый конверт или небольшую бандероль. А в середине 80-х, сами понимаете, владеть коллекцией фантов от импортной жвачки за неимением самой жвачки – это было круто, как сказали бы нынешние школьники. Но слова «круто» тогдашние школьники не знали, в ходу было «клёво».

А у меня друзьями по переписке были Эрик и Илиана Павлова. Их адреса я выискала в журнале «Пионер» и предложила подружиться. Эрик тоже жил в ГДР, а Или – в Болгарии, в Софии, ее мама работала в магазине грампластинок. Эрик почти в каждом письме упражнялся на одну и ту же тему: мне столько-то лет, я увлекаюсь тем-то, учусь хорошо, читаю книги, занимаюсь спортом. С ним быстро стало скучно, даже несмотря на открытки и наклейки, и переписка увяла. А вот с Или, которая знала русский лучше, мы перекидывались письмами года три. Я до сих пор помню, как она поздравляла меня по-болгарски с Новым Годом. «Честита Нова Година», написала Или. Ее любимый фильм был «Умирать трудно». Его я смогла увидеть только лет через пять или семь, когда в нашем городе наконец-то стали показывать по телевизору всякое иностранное кино. Это оказался по-нашему «Крепкий орешек» с Брюсом Уиллисом, часть первая.

Помню чувство, с каким засовывала руку в железную пасть зеленого почтового ящика. Родители тогда выписывали много газет и журналов, и почту приносили два раза в день. Одной из моих домашних обязанностей было ходить за почтой. Запуская руку за

какой-нибудь из «правд», всегда хотела нащупать среди сложенных страниц что-нибудь более интересное – литературный журнал (жалко, что родители не выписывали «Иностранку») или советский подростковый глянец. Или толстый конверт с пламенным приветом из страны соцлагеря. Честное слово, в день, когда письмо приходило, было предчувствие. И рука, открывая дверку почтового ящика, уже знала, что оно, скорее всего, там. Сейчас я уже ни от кого не жду бумажных писем, но по-прежнему рука, ныряющая в ящик, чтобы освободить его от рекламного мусора, все равно надеется найти там конверт с добрым словом внутри. Или открытку.

Письма перестали приходиться в 1991 году. Во всеобщей неразберихе и почта стала работать как попало. Письмо от Илианы из Софии раньше шло, по моим подсчетам, недели две. Почтовый ящик, который взламывали все чаще, отгибая дверцу, совсем перестал дарить пальцам волшебное ощущение от прикосновения к толстому конверту. Прощай, Илиана Павлова.

В 1992 году у меня открылся персональный счет потерь. Есть такой у каждого человека. Он открывается, конечно, у всех по-разному. Но его как бы нет, пока потери эти неосознаваемы – в силу малых лет, прежде всего.

Моя тетка пару лет назад переехала в деревню под Кисловодск и увезла с собой моих любимых двоюродных – пятилетнего Мишку и 14-летнюю Янку, самую загадочную мою подругу.

Осенью моего первого курса пришла телеграмма-похоронка. Денег было мало, и на похороны смогла поехать только мама. Она привезла оттуда колготки с крадущимися тиграми из люрекса и сказала, что это последний привет от Яны. История ее смерти была страшной: девчонка, опоздав на автобус, который возил детей в школу в соседнюю деревню, села в попутку. Тело нашли в какой-то горной речке дней через десять.

Я не плакала, потому что не могла поверить в рассказ мамы. И решила и дальше в него не верить. Я же не видела ни гроба, ни тела. И с тех пор я стараюсь не ходить на похороны. Так легче представить, что человек не умер, а просто куда-то далеко уехал – туда, где ему так хорошо, что нет даже времени надписать открытку.

Куда могла бы поехать Яна? Красивой девочке самое место в кино. Вспоминаю наше увлечение индийскими фильмами. Мы вместе

ходили в кинотеатры, и я даже записывала в записную книжку все названия просмотренных фильмов. Янка бы точно не отказалась съездить в Болливуд. Как оторвешься от песен и плясок, цветов и смуглых героев, обязательно напиши. Только держись подальше от злого раджи.

Рус Попов был тоже красив, и мы с подружками строили хитроумные планы, как бы закадрить его хоть кому-нибудь из нас. Мы познакомились, поехав со студентами-историками на археологические раскопки. Студенты – на практику, а мы – вольнонаемными, так как других вариантов провести каникулы вместе где-нибудь за пределами города у нас не было. Потом, когда на экраны вышел фильм «Девятая рота», обнаружилось, что Рус похож на Джоконду. Только Джоконда погиб в Афгане, а Руслан в 1996 году, за несколько недель до окончания первой чеченской кампании. Куда бы мог поехать Рус? Похороны Руса закончились тем, что все напились и плакали под We are the Champions. В 90-е годы Рус и его приятели были самыми большими фанатами Queen, каких я знала. Особенно Русин друг Леха, который только ради них выучил английский язык и мог с ходу переводить любую песню. Леха жив и здоров. А вот Рус, будем считать, сейчас в Лондоне, на родине кумиров. И будь там осторожен, ради Бога, мало ли что.

Когда пришла идти пора в армию Женьке, моему двоюродному, все боялись, что его отправят в Афганистан. Но он вытянул счастливый билетик и был отправлен служить срочную в ЗГВ – Западную группу войск Вооруженных Сил СССР. Мало кому в то время доводилось просто побывать за границей, а тут – служить в ГДР почти два года, везунчик! До армии брат работал на заводе и играл в заводском вокально-инструментальном ансамбле на гитаре. А я отдыхала летом в пионерском лагере, в клуб которого этот ВИА приезжал на танцы. Они играли, например, «Не повторяется такое никогда», а я всем говорила, что усаый парень в рубашке защитного цвета – это мой брат, правда-правда. Ему было 17, а мне 11. Из Германии он присылал открытки с котиками, пополняя мою коллекцию.

После армии он вернулся на завод. Но в 90-е и заводы стали работать как попало. И он снова пошел служить – в ОМОН. Там перебоев не было: одна поездка в «горячую точку» за другой. Две жены от него ушли, детей в этих браках не было. Ребенка третьей жены он успел усыновить, перед тем как погиб в январе 2000 года в

Грозном.

Каждый, кто рассказывал мне о своей службе в Западной группе войск, не помянул то время ни одним плохим словом. Будем считать, Жень, что ты вернулся в ЗГВ и плетешь бесконечные аксельбанты на свой еще один дембельский китель. Не забывай писать хотя бы матери, она волнуется.

В детстве моим другом был Димка Т-ский. Его родители и мои были большими друзьями. Дядя Леша даже забирал мою маму и меня на такси из роддома, потому что отца не отпустили со смены. Наши родители шутя говорили, что мы поженимся. В восемь лет он утонул в Оби, когда отдыхал на даче. Я была на похоронах, но гроб пронесли так высоко, что я даже его не увидела. Пусть Димка остается в той стране, куда никому нет обратного хода – в детстве, так, что ли, ее называть? А у кого в детстве было время, чтобы по доброй воле подписывать кому-то открытки? Меня, к примеру, силком усаживали к столу, чтобы я подписала с десятков одинаковых карточек, которые нужно было разослать родственникам к какому-либо празднику. Они еще так особенно пахли типографской краской, и надо было разлиновать пустое место – получалось, как правило, вкривь и вкось. Так что не пиши, Димка, тебе сейчас некогда – ты все прыгаешь по бревнам в своей Рассказихе. Они скользкие, но ты-то ловкий парень, ни за что не упадешь в серую обскую воду. А нам-то и вовсе не нужны твои каракули на куске разрисованного картона – не приведи Господи с того света получать какие-либо весточки.

Я всегда говорю, что нас победят роботы. Но я знаю, за что этих роботов можно простить. Они копируют и сохраняют нас. Мы или кто-то там после всегда можем заглянуть во что-то такое электронное, чтобы найти там нас – вполне себе молодых, красивых, задорных товарищей. А главное, почти живых. Мы уже можем сохранить свое «сейчас» и заглянуть во «вчера», а в «тогда» – нет. Не было тогда ничего такого электронного. Только копии плохого качества на фотобумаге. Только открытки, только старые письма – что-то вполне осязаемое, но, разумеется, не равноценное.

Я. Заметка на полях

Ходить в библиотеку и читать книги – это, по мнению моей мамы, должен делать каждый уважающий себя человек примерно моего возраста. Хм. Ну, я и хожу. Но не всегда читаю. И поэтому когда мама спрашивает, о чем книга, понравилась ли мне она, я впадаю в легкое замешательство – сказать-то мне нечего. Нет, я, конечно, могла бы что-нибудь вдохновенное соврать. Но мы же понимаем, как легко тут засыпаться на мелочах. Потому что – черт ее побери!!! – мама тоже читает все эти книги. Ну, интересно, видите ли, ей!

– А что, – говорит мама, – взрослые книги – это же сколько нужно времени, чтобы прочитать! Дом, работа, Котька – совсем времени не остается. А детскую, даже вполне такую толстую, – за пару вечеров осилю!

Да, пара вечеров, а то и вовсе один. Я не знаю, как у нее это получается, потому что даже не очень толстую книгу я читаю неделю, а то и больше. А иногда просто сижу, раскрыв ее и положив телефон между страниц, и смотрю, кто чего запостил «ВКонтакте».

Впрочем, по поводу содержания книг мама меня с пристрастием не пытается. Она знает, что я не слишком-то разговорчивый (с ней, по крайней мере) человек, свое мнение люблю держать при себе. Но мое молчание мама истолковывает по-своему:

– Ну, надо же, какая короткая у человека память, – поражается мама, – ты правда ничего не помнишь?

Правда. Но не совсем. Да, я ничего не помню, потому что читала не книгу, а Леркину «стену». А с памятью у меня все в порядке.

А неделю назад я хотела почитать, что пишут в группе нашей параллели. И взяла с полки книжку «Вафельное сердце» Марии Парр. Кто такая, вообще не знаю. Что за сердце, понятия не имею. Эту книгу из библиотеки мама притащила. Да, иногда она ездит туда вместо меня. Чему я очень, очень, преочень рада – не трачу время, не тащусь, не волочу сумку с книгами.

Но выбранное мамой – это выбранное мамой, и поэтому я со спокойной совестью могу эти книги не читать: сами взяли, сами и

читайте. Вот когда я выбираю, я читаю – фэнтези, фанфики, магия. А мама берет обычно какую-нибудь муть «про отношения».

Я достала телефон и открыла Марию Парр наугад. Книжка развалилась напололам, на какой-то там странице. Я уже открыла «ВКонтакте» и почти пристроила телефон в середине книжки, как увидела маленьким таким почерком карандашиком записочку на полях.

«Эй, люди! – написала какая-то девочка, – сижу сейчас и плачу. Моя мать орет на меня, я ей совсем не нужна, я как в пустоте живу. Орет непонятно за что. Как жить-то вообще...»

Я аж оторопела. Такого даже у нас «ВКонтакте» не пишут, ну то есть, все те, кого я там знаю, не пишут. Хотя вот там как раз и понятно, что делать. Там можно поставить лайк, написать коммент, отправить какой-нибудь грустный стикер – мол, как же я тебе понимаю. Но тут... Даже если я напишу ей ответ на полях книжки, она его не увидит – книжку-то уже прочитала и вернула в библиотеку, и вряд ли еще раз ее возьмет.

Я стала представлять, как можно найти этого человека и что ей сказать. Да и вообще попыталась представить, каково человеку, на которого орут непонятно за что, и который не нужен своей родной матери.

Нет, моя мама, конечно, тот еще перец, и орать может еще как! Но все ее крики, они... ну, не смертельные, скажем так. Что-что, а кричит она всегда по делу. Да и даже не кричит, а так, громко разговаривает. Блин, как вспомню эти разговоры про влияние хороших оценок на жизнь человека... Неприятно, но куда деваться. Ну, и потом, мама обязательно скажет: «Ну, прости, если я что-то не так сказала. Ты же на меня не обиделась?» И еще, скорее всего, обнимет и поцелует. Как тут на нее обидишься?

Нужна ли я ей? Я как-то даже об этом не задумывалась. Надо будет спросить при случае. Пока я решила, что нужна – не рожают же детей просто так, в этом должен быть какой-то определенный смысл.

Я тут же быстренько нафантазировала, для чего моей маме могут быть нужны дети:

а) помогать по хозяйству. Пока эта скучная тема касается только меня, но уверена, что Котьку ждет та же самая участь;

б) играть с ними, пока маленькие. Вот это как раз от меня уже отвалилось, пусть Котька отдувается. Может, родители так свое детство продлевают, не знаю. Не зря же говорят все время: вот у меня коньков раньше не было, вот мультиков столько раньше не было, того не было, сего не было... И поэтому рассекают теперь на роликах, как молодые.

в) воспитывать, вот где они отрываются по полной. Я бы не возражала, если бы мне построили маленький домик на необитаемом острове, провели бы интернет и отправляли туда через службу доставки еду и крем от ультрафиолета. И приезжали бы ко мне раз в год. Хорошо, два раза.

г) быть «царем горы», то есть главным в отдельной взятой семье и отдельно взятой квартире. Другими взрослыми родителями, как я поняла, помыкать не всегда удастся, а вот своими детьми – еще как.

Короче, я закрыла эту Марию Парр. Я не знаю, что мне делать с чужими переживаниями. Крепись, чувак, сказала бы я этому человеку. Что тут еще скажешь. Если бы это была, скажем, Лерка, я бы ее, не знаю, выслушала, пожалела бы, купила бы ей чупик.

И я уже почти забыла про этот крик души на полях. Но «Вафельное сердце» взяла почитать мама.

– Ты видела? Ты видела? – подскочила она ко мне с книжкой, открытой на той самой странице. Сильно была взволнована.

Ну, сказала я ей взглядом, видела.

– Как ты думаешь, можно ли найти эту девочку? – спросила мама.

Зачем, подумала я. Пожала плечами. Та девочка, наверное, поплакала да и забыла. Лерка бы поплакала и забыла. У Лерки, в общем-то, тоже с мамой все сложно: Лерка тройку боится получить. А я так и двойку не опасаясь: а что, тоже ведь оценка. Разговоры «за жизнь и за оценки» я вполне могу пережить, тем более что ведутся они примерно так:

– Вот пекарь, прекрасная профессия, – машет руками мама. – Но ее любить надо! Ночные смены, высокие температуры, тяжелые емкости с тестом... Чтобы печь людям вкусный хлеб, это дело любить надо! Или медсестра. Отличная профессия! Но там уколы в чужие попы, клизмы... Это ж как людей любить надо, чтобы быть

медсестрой! Вот кем ты будешь, когда вырастешь?

Да рано мне еще об этом думать. Когда вырасту, тогда и подумаю. Класе в десятом хотя бы.

– Да тебе все равно, что ли? – не унимается мама. – Кем ты станешь лет в двадцать?

Я стану мангакой и видеоблогером, но вам пока знать об этом не обязательно.

– Ну, раз тебе все равно, – голос у мамы становится наигранно-злоещим, – то мы с папой приколемся...

Што? Приколятся они...

– ...и отдадим тебя в колледж учиться на механизатора!!! У кого-то дочь станет финансистом или там визажистом, а у нас – трактористом!!!!

Охренеть.

– Ну, тебе же все равно... – говорит мама. – Куда мы тебя затолкаем.

Нет. Нетнетнетнет. Фотограф. Лучше фотограф. Там и до видеоблогера недалеко.

Шутка мамина, конечно, дурацкая. Но я и не такое переживу. Главное, что меня не называют тупой и безмозглой, и за двойки на меня не орут, а только говорят, что «в их возрасте получать двойки было запаadlo». Что за слова, а еще в институтах работают.

Через несколько дней мама понеслась в библиотеку и вернулась немного расстроенная.

– Я спросила у библиотекаря, можно ли найти эту девочку. Но мне сказали, что нет – в этой книге нет листка книговыдачи. Если бы там был записан номер читательского билета, ее можно было бы найти.

– Знаешь, – продолжила мама, – когда я была в твоём возрасте, я очень часто брала книги в библиотеке...

Тут я тихонько вздохнула и только из вежливости не закатила глаза. Опять начинается история из серии «Вот я в твоём детстве...» Про их детство я уже тут рассказывала – те еще фрукты были, эти родители: один подрывник и прыгун с холодильника, а другая –

певица-в-ванной, борщ-с-прихватками и человек-ватник.

– Когда я брала книги в библиотеке, я первым делом пролистывала их на предмет приветов от друга, – не унималась мама. – Ну, это я так называла. Кто-нибудь забывал в книжке фантик, который использовал в качестве закладки, или листок с самостоятельной, или писал «Привет» на форзаце. Или гербарий засушенный попадался. И мне казалось, что кто-то передал мне привет, оставил это в книге специально для меня. Мне приятно было думать, что в нашем городе есть человек, который читает такие же книги, что и я, ходит в одну и ту же библиотеку, и, может быть, мы даже с ним там встречались и вполне можем познакомиться, стать подружками или друзьями. Это был такой намек на дружбу, всегда хотела иметь много друзей.

Как все сложно было-то у них, подумала я. Мне иногда кажется, что людей вокруг слишком много, и большинство из них в друзья вряд ли годятся. Чем и хороши наши социальные сети, так это тем, что можно быть человеком-невидимкой: смотреть, как все там тусуются, наблюдать, как за насекомыми. Они сами всю свою жизнь напоказ вываливают, тут даже усилий не требуется. Я не хочу: мое – это мое. Захочу – покажу. Когда-нибудь. Если будет что. Даже фотика нормального нет, телефон не айфон. Инет в телефон не разрешают, только из дома по вайфаю.

– Как такое может быть, – продолжала мама, – что она совсем не нужна своей матери?

Я уже почти решила задать маме свой вопрос, зачем вообще нужны дети и я ей зачем, в частности. Но подумала и решила помолчать, потому что мама была в своем любимом состоянии «как хочется поговорить с любимой старшей дочуркой» и вот-вот сама на него ответит.

– Запомни, Котька, – сказала мама, – дети всегда – ВСЕГДА! – нужны своим мамам. Дети никогда не рождаются просто так. В их появлении всегда есть смысл. И этот смысл, ого-го какой смысл – он не виден глазом и поэтому не понимаем головой.

Вот интересно-то. Постою, послушаю.

– Этот смысл, Котька, ощущается на клеточном уровне. Ну, то есть, так должно быть, это правильное направление, этот смысл – он больше, чем сам человек.

То есть это не помощь по хозяйству? Не воспитание? Не «царь горы»: мы, старшие, в доме главные, а вы, дети, внемлите и подчиняйтесь, и выпрашивайте ваши жалкие карманные денежки, которые еще заслужить надо?

– В общем, смысл в том, что есть человек с продолжением и человек без продолжения. Тебе какой вариант больше нравится?

– Эммм..., с продолжением звучит как-то обнадеживающе, – неуверенно промычала я. Если говорить про кино или там про книгу, или про игру, то с продолжением определенно лучше.

– Вот! – воскликнула мама. – И это продолжение есть другой человек – новый, хороший, дельный, замечательный человек.

– А если не дельный? – спросила я.

– Любой человек изначально дельный, – сказала мама, – а дальше уж он сам решает, каким ему быть. Как говорит одна моя знакомая: «Не надо лезть в заводские настройки человека, просто нужно кормить, поить и не мешать».

Так что ж, ты, мама, лезешь в мои заводские настройки, хотела спросить я.

– Мне кажется, я не очень-то лезу в твои заводские настройки, – сказала мама.

Да что ты будешь с ней делать. Если подумать, и впрямь – лезет, но не очень-то. По сравнению.

UPD. А фотик мне купили! На день рождение и за хорошие оценки, правда. Но он реально крутой. Не мыльница. И фотошколу, сказали, летом оплатят.

Она. Петушки

Однажды, несколько лет назад, на углу проспекта Ленина и еще какой-то улицы стоял мужичок и продавал петушков на палочке. Так захотелось.

Сто лет не было в этом городе янтарных петушков. Мужичок, где ты взял это богатство? Почему продашь? Так захотелось взять в руку длинную струганную палочку и отхрумкать этому карамельному франту его пышный, дразнящий хвост. Но не случилось и не сбылось. «Еще неизвестно, где он делал эти леденцы, и какими руками!!! Где его справки? Где белый халат технолога пищевого производства???» – загундел внутри взрослый и осторожный человек. Кто бы думал об этом в детстве? Да никто.

К хлебному магазину теплыми летними вечерами выходили бабки-петушатницы, которые на деревянных ящиках, принесенных из соседнего овощного магазина, раскладывали свои янтарные сокровища.

– Девочки, берите леденцы! – протягивали нам бабки петушков, завернутых в лоскуты того особого шуршащего целлофана, в который обычно упаковывали гвоздики.

В такие дни мы шли в хлебный магазин с одной мыслью: как бы и хлеба купить, и чтобы сдача осталась. Целых пятнадцать копеечек. Самым простым способ сэкономить была игра в «разобрали». Ой, мам, ты белого просила, а его уже не было. Серый был и черный. И рогаликов по четырнадцать не было, а только по пять. Сдача где? Какая сдача? Ах, сдача... Да мы там с девчонками петушков купили. И ничего они не грязные. И руки у бабок не грязные, я смотрела.

Что в них было такого? Никакого особенного вкуса, никакого особенного счастья. Немного солнца, если посмотреть на божий свет сквозь сахар, застывший янтарной птичкой. Немного забавно, если прижать его языком к небу, и он прилипнет к зубам ненадолго. Немного свободы и протеста – мама не разрешает и денег не дает, а я все равно куплю.

Немного фантазии и эксперимента – чтобы самому из сахарного песка, сковородки и спичек приготовить нечто подобное. Только у бабок леденцы получались медово-прозрачными, а у нас – коричнево-

мутными с жженым привкусом. И формочек не было. Ломали застывший на сковороде коричневый блин и клали в рот эти острые, обдирающие язык и, по-честному, не очень-то и вкусные кусочки.

– У меня есть форма, – сказала однажды Римка. – Мама купила в магазине «Тысяча мелочей».

Я, конечно, кинулась к своей маме и почти упала перед ней на колени, упрашивая, чтобы и она немедленно отправилась в «Тысячу мелочей» за формой для производства леденцов на палочке – «она еще такая тяжеленькая, железная, из двух частей. И дырочки там, чтобы палочки вставлять. Ну, мам. Ну, пожалуйста...»

– Что за глупости, – сказала мама. – Некогда мне такой ерундой заниматься. Если так сильно надо, езжай сама.

И дала мне деньги на автобус и на форму. Я уже одна ездила в детскую библиотеку имени Крупской, поэтому дальние путешествия на автобусе ни меня, ни моих родителей не пугали.

Что за магазин «Тысяча мелочей»? Наверное, это почти как «Тысяча и одна ночь», размышляла я, сидя на горячем клеенчатом сиденье в автобусе. Это, должно быть, чудесное место, раз там продают формочки для леденцов, решила я. Подобный трепет у нас вызывали только магазины «Вторсырьье», где можно было в обмен на старые газеты получить шарик на резинке, набитый опилками, киоски «Союзпечать» с открытками и «Уцененные товары», где можно было задешево купить тушь-плевалку и колечко со стеклянным камушком.

«Тысяча мелочей» оказалась обычным хозмагом, заставленным ведрами, тазами, жестяными рукомойниками, граблями. Его прилавки манили хозяйственным мылом, дверными замками, гвоздями, скобами и лампочками. Эй, а где же шторы из бусин? Таинственный полумрак? Где хотя бы намек на сказочные богатства?

– Нету, – развела тяжелыми ладонями продавщица. – Кончились.

Я ехала в автобусе обратно и всю дорогу кусала губу, чтобы не разреветься от досады.

– Пойдем ко мне, – сказала как-то Римка. – Мама сахар вчера купила.

Мы взяли сковородку, поставили на плиту, высыпали в нее сахар.

– Форму надо смазать маслом, – сказала Римка, и мы достали из холодильника сливочное масло и стали ножом отковыривать от него кусочки и размазывать его пальцами по формочке. В ней, кстати, можно было за один раз приготовить только четыре петушка, точнее, рыбки.

Сахар на сковородке сверху еще высился белой сыпучей горкой, а снизу уже расплавился и начал подгорать.

– Помешаем, – сказала Римка, убавила огонь и начала возить по сковородке ложкой.

Сахар скоро весь расплавился, но подожженный нижний слой испортил всю картину. Если бы мы наперед знали, в какую неприятную субстанцию может превратиться такая наивкуснейшая вещь, как сахар, не стали бы и начинать.

– Для первого раза сойдет, – решила Римка. – Первый блин комом...

...а первая котлета – подметкой.

В четвертом классе на одном из уроков труда мы учились жарить котлеты. Каждая принесет, сказала учительница, мясной фарш, сковородку и жир для жарки. Мама удивленно подняла брови, особенно когда я попросила фарш:

– И много надо? – спросила мама.

– Ну, чтоб на всех хватило... – как-то неуверенно ответила я.

– Ага, конечно! – отрезала мама и выдала мне кусок говяжьего фарша размером с кулак, завернутый в пакет из-под молока.

На уроке мы, наряженные в разноцветные фартуки и косынки, выстроились у рабочих столов, разложив свои разнокалиберные сковородки и мешочки с фаршем. Учительница оценила наши натюрморты:

– Я вижу, все принесли инвентарь и продукты. Молодцы, – и помахала листком в воздухе. – Это рецепт. Потом все перепишете в свои тетради, я проверю. Сейчас мне надо ненадолго отлучиться в учительскую. А вы начинайте жарить. И не шумите, – и ушла, цокая высоченными каблучками.

На последующих уроках мы переводили выкройки, кроили ткань, шили ночнушки и халаты. Еду, которую мы должны были

приготовить на трудах, приносили из дома. Пекли торты, а потом дружно их съедали на уроке.

И вот мы начали жарить свои первые в жизни котлеты, кто как себе это представлял. Наверное, это были самые натуральные котлеты в мире – в них не было ни хлеба, ни лука, ни яйца, ни даже панировочных сухарей. В моих, наверное, не было даже соли. Вдобавок они прилипали к сковородкам и чадили. Наша трудовица в конце урока прошла вдоль строя тарелок с котлетами, но пробовать не рискнула.

– Я и так вижу, что все вы умеете жарить котлеты, – и поставила нам в журнал «пятерки».

Мы сжевали свои обугленные шарики и пошли на другой предмет, зарабатывать другие «пятерки».

Когда белая горка на сковороде превратилась в коричневую лужу, мы начали заливать сахарную жижу в форму. Она почему-то вся вытекла с обратной стороны и тут же начала застывать на столе слюдяным озерком, от которого к сковороде, ложке, формочке и нашим рукам тянулись хрупкие золотистые нити. Мы решили облизывать стол по очереди. В следующий раз, решили мы, что-нибудь придумаем, тарелку поставим, шпагатиком форму стянем или еще чего. Потом я пошла домой, а Римка осталась отмывать сковородку.

За опыты с дефицитным сахаром нам попало крепко. Римкина мама встретила во дворе мою маму и рассказала, как бездумно растратили мы ценный продукт:

– Как раз клубника скоро пойдет на даче! – махала руками Татьяна Алексеевна, я с другого конца двора видела. – Я и решила потихоньку сахар подкупать! Позавчера купила, вчера, гляжу, нет! Я – искать. Смотрю, лежит сковорода, вся этим сахаром горелым уделанная. И ваша-то, ваша тоже там участвовала!

Моей маме пришлось отдать Татьяне Алексеевне полкило сахара, а мне постоять один вечерок в углу. Когда мы были маленькими, совсем еще не сведущими в кулинарии и не знавшими цены ни продуктам, ни другим вещам, сахар и кое-какая другая провизия продавалась по кило в одни руки. Или по два кило, когда как. Ну, то есть, надо тебе пять кило сахару на варенье – ходи в магазин пять дней подряд, если его, конечно, раньше не раскупят. И

мы во дворе одну штуку придумали – ходить за продуктами, которые по норме отпускали, большими компаниями. Подговоришь во дворе приятелей, придете в магазин компанией человек в пять, будто бы братья-сестры. Продавец скажет: «Что-то как сахар привезут, так все многодетные», но сахар отпустит. Родители вечером, когда с работы придут, удивляются: как это вам столько сахару отвалили? А потом ввели талоны на продукты, и фокусы с липовыми братьями-сестрами уже не проходили.

В тот раз, на углу Ленина и еще какой-то улицы у того мужика петушков я не купила. Хотя жалко было, что ребенок главной улады нашего детства не попробует.

Скоро в магазинах появились фабричные петушки. Тоже ничего, но не такие янтарные. Худые петушки какие-то, и почему-то смородиной пахнут, и яблоками. А сахар, он только сладостью и детством пахнуть должен. И немного горечью, если его на сковородке нечаянно пережечь.

А совсем недавно увидела в магазине тяжелую форму для сахарных петушков. Стоит недорого, и сахару сейчас завались. «Бери! – толкала меня под руку та маленькая девочка, которой петушков покупать было не велено, а формы в магазине не досталось. – Бери сейчас же, старая скупердяйка! Это ж такая ценная вещь! Ваще!»

Но я покачала тяжелую форму на ладони, представила на минутку, как мои не знающие недостатка ни в каких сладостях дети нехотя подтянутся на кухню на мой призыв: «Девчонки, а давай петушки делать!», послушают рассказ про мое неказистое детство. Посмотрят, скушают по леденцу, и отправится тяжелая литая форма в недра кухонного шкафа, и будут ее вынимать оттуда раз в год, а то и реже, когда мне захочется поиграть в запретные игры моего детства.

Но я-то хочу, что бы было не так. Чтобы я приходила вечером с работы, а в нос бы шибал едкий запах пережженного сахара, чтобы в мойке лежала чумазая, замурзанная сковородка, на полу были капли застывшей сахарной жижи, и две довольные липкие мордашки протягивали бы мне последний – кривенький да косенький – леденец.

– На, это тебе! Мы сами сделали! Ты же их так любила!

Я. Раствор Люголя

Наша Котька – человек-камень: если сказала, то как отрезала. Но чаще всего провизжала, прокричала, провопила. Я так не умею настоять на своем. Со мной можно договориться почти всегда. Я не кричу, я только смотрю в ответ так пристально, надеюсь, что жестко, и тем самым выражаю несогласие. Мама начинает подозревать неладное и спрашивает:

– Ну, что опять? Что опять ты смотришь так неласково?

Но я молчу – догадывайтесь-ка сами, что не так.

– Трудно сказать? – недоумевает мама.

Да. Трудно.

А вот Котька – другое дело. Она может орать весь день с редкими паузами. Ее даже к врачу водили – думали, вдруг что-то с нашей драгоценной Клотильдой не в порядке. Но врач развел руками и сказал:

– Так бывает. Трудный возраст. Подождите, пока повзрослеет. Годам к пяти должно пройти.

– А точно пройдет? – спросила мама. – Ей ведь пять исполнится уже совсем скоро.

– Будем надеяться, – ответил доктор.

И вот мы живем под Котины крики и дожидаемся ее пятилетия. Осталось всего каких-то пару месяцев потерпеть. Мы теперь все немного похожи на страусов: как только Котька открывает рот и включается на полную громкость, мы стараемся где-нибудь попрятаться. Я в своей комнате надеваю наушники, мама идет на кухню и начинает усиленно тереть кастрюли, папа может сбежать в гараж, в «Ашан» или сделать вид, что заинтересованно смотрит новости по телевизору. Увещевать Котьку бесполезно, идти на поводу – мама говорит, что не вариант, потом будет себе дороже.

Раньше нам помогал игнор. Это называется «не подпитывать скандал эмоциями». По-папиному: «Нет зрителей – нет концерта». Но недавно это перестало работать.

Я бы Котьку выпорола, но у нас такие методы не приняты. Котька сама кого хочешь выпорот: может и пнуть, и кулаком в глаз дать.

У нас дома живет хомяк. И вот однажды я прочитала, что для хомяка размер врага не важен, он такой бесстрашный, что даже на медведя может напасть. Я и говорю:

– Котька, ты прямо как хомяк себя ведешь! – в смысле смотри, на кого бочку катишь, я тебя в три раза больше.

Котьке это понравилось, и она теперь при каждом удобном случае всем сообщает, что она – хомяк. И еще может кричать хомяку, что он хомяк, прямо в мордочку целый час. А он, чудак такой, сидит в клетке, даже не прячется – наверное, он у нас уже глухой. Был бы с нормальным слухом, то немедленно бы падал на спинку и притворялся мертвым. Только не думаю, что Котю это бы остановило.

На Котьку хорошо действует метод переключения. Ну, это когда ей надо в разгар крика сообщить о чем-нибудь неожиданном – допустим, там во двор пингвинов привезли. Котька поорет еще немного и к окну – шашь! А все, нету, убежали, пока ты кричала. Но мама говорит, что каждый раз нужно придумывать что-то новое, а фантазия уже иссякла, и быстро ничего не придумывается.

Ну, в общем, ждем. Недолго уж терпеть осталось.

Как-то мама принесла из библиотеки книжку, в которой какой-то иностранный психолог написал, что с такими детьми, как наша Котя, делать.

– Кажется, мы попали так попали! – охнула мама, когда открыла книжку. – Тут пишут, что Дженнифер выбила ногами стекло семейного автомобиля, когда ей было восемь лет.

Я даже чаем поперхнулась. Офигеть. То есть это может совсем не пройти? И Котя, когда подрастет, может раскурочить наш старенький «форд фокус»?

Мама говорит, что я была совсем другим ребенком – тихим, спокойным, что у нас было взаимопонимание уровня «из мозга в мозг». Будто бы она со мной маленькой словно на курорте отдыхала. В сравнении-то с Клотильдой нашей, великой и ужасной.

Мне, конечно, приятно слышать про себя только хорошее. С

одной стороны. Но, с другой, даже обидно: чего можно такого интересного вспомнить про детство покладистого ребенка? Вон, про Котьку, небось, и в старости вспоминать будут.

И я спросила у мамы:

– Ну, а я чего-нибудь такого интересненького в детстве вытворяла?

Мама подумала и сказала:

– Ну да. Только все делала тихо, молча и спокойно. Например, утюг поставила на ковер и в розетку включила. Но я быстро «на тишину» прибежала, и ничего, обошлось.

Раз. Я стала мысленно загибать пальцы.

– Потом тюль на окошке ножницами маникюрными сбоку в бахрому порезала.

Два.

– И баню на даче чуть не подожгла: кипятильником баловалась – в розетку его включала без воды и выключала.

Три.

– Экран телевизора клеем ПВА зачем-то вымазала. Хорошо, что не плазма, ножичком все отскребли.

Четыре. И всееее????

– Ну, в торт ногой наступила – про это ты и сама помнишь.

Не густо, прямо скажем. То ли дело у нашей Коти: что ни день, то концерт.

– Не переживай, – сказала мама. – Про тебя вспоминать интереснее: случаи-то были редкие, каждый раз разные. А тут каждый день одно и то же – унылое однообразие.

Ну да, унылое. Я иногда даже радуюсь, когда Котька скандалит: хоть кто-то отомстит за мои мучения. Пусть не я, пусть хоть сестра младшая за меня заступится. А я ей за это булочку из столовки принесу, хехе.

Я бы на месте мамы вела учет Котькиных прегрешений, записывала бы в дневник, а потом бы Котяте показала, когда ей лет двадцать исполнится. Мол, смотри, Котя, ты в четыре с половиной

года мать какашкой называла целый час из-за того, что тебе десятую барбариску не дали. А Котя такая: да вы что, да не может этого быть, я же ничего такого не помню, да вы посмотрите на мои детские фотографии: разве мог такой белокурый ангел произносить такие нехорошие слова?

Еще как мог.

Но однажды и на Котю нашлась управа. Мы даже не ожидали, что это средство так хорошо действует.

В один прекрасный день мама принесла из аптеки лекарства и показала Коте коричневый стеклянный пузырек.

– А это что? – спросила Котька, получившая любимую аскорбинку.

– Это, – сказала она – лекарство от ругательств, язык мазать. Будет стоять на самом видном месте, – и поставила пузырек на полочку.

– Нет! Нет такого лекарства! – завелась Котька с пол-оборота. – Это не лекарство, это карагачка какая-то!

Карагачка – еще одно любимое котенькино ругательство. Карагачками успели побыть и я, и папа, и мама, и даже хомяк.

– Ты обманываешь! – раздухарилась Котька еще больше. – Ты какашка!

– Ну, так давай проверим, – улыбнулась мама, открыла пузырек и достала ватную палочку.

– Ааааа! Какашка! – заорала Котька и убежала в другую комнату. Но мама ее поймала, крепко обняла и засунула в рот палочку, конец которой был обмазан коричневой жижей.

Я поежилась. Вот так суровые меры. Решилась же мама на такое. Знаю, что это за лекарство – мне в детстве им ангину лечили. Брр!

Котька заорала еще сильнее и убежала в ванную мыть язык под краном.

– Смотри! – мама протянула ей вслед ватную палочку, кончик которой из коричневого стал синим. – Она посинела! Видишь, сколько у тебя во рту этих ругательных микробов!

Котька еще полчаса с воем плескалась под краном в ванной. А

потом вышла, вся мокрая и смиренная. И сказала:

– Прости меня. Я не буду больше ругаться.

Мама обняла ее и поцеловала.

Вечером, когда папа пришел с работы, мама рассказала ему все наши новости:

– Ну, а чего. Раствор Люголя – это лекарство для полости рта. Какая разница, что им лечить: ангину или ругачку. Не смотри на меня так, я же ее не с мылом рот заставила помыть.

Две недели мы живем без всяких ругательств. До Котиного пятилетия осталось ровно один месяц, три недели и два дня.

Она. Хулиган Иван Кефиров

О том, что я пария и паршивая овца в нашем классном стаде, Кефиров не знал. Он учился в другой, соседней школе. Кефиров дружил с Вадиком, Вадик встречался с Риткой, а Ритка – Барашкова, та, которая с пианино – была моей соседкой и подружкой еще с младенческих времен. Вадик потом, правда, встречался с Юлькой, потом опять вернулся к Ритке, они даже поженились после школы и родили сына, а потом развелись. И вся эта компания, которой пока было еще далеко до детей и замужеств, по вечерам собиралась в нашем дворе. И я тоже как-то в этой компании оказалась. А потом Кефиров подержал меня за руку, посидел рядом на скамейке, и все решили, что мы дружим.

Но отдельное спасибо Кефирову не за это. Сам того не подозревая, он ненадолго поднял мой авторитет среди моих одноклассников. В седьмом классе мы учились во вторую смену, и Кефиров решил зайти за мной в школу. Но немного не угадал со временем окончания занятий, а потому под конец урока физики засунул свою белобрысую голову в кабинет. И назвал мою фамилию. «А Лену можно?» – что-то вроде этого он сказал. И все. Надежда Васильевна, физичка, сказала, что до конца урока нельзя никого, а не только Лену, и Кефирова голова исчезла.

Я-то удивилась, а уж как удивились наши классные хулиганы и, в частности, Сорников.

– Это че, Кефиров был? – ткнул он меня ручкой в спину.

– Да, – прошипела через плечо я.

– Он че, твой хахаль?

– Ты того, что ли?

– А че приходил тогда?

– Не знаю.

Господи, подумала я, а ведь этому дураку Сорникову ничего не стоит рассказать Ивану, что я – местная лохушка, и водиться со мной не следует. И все тогда, и прощай надежда на то, что и у меня, как у других девочек, будут приятели другого пола. Ну, там домой

проводить, открытка на Восьмое марта, и все такое.

Возможно, Сорников бы так и сделал, однако наши намечающиеся подростковые привязанности разрушились еще раньше. Все произошло очень быстро и просто: мама сказала, что ей сказали, что меня видели в самой не подходящей для меня компании, которая отирает скамейки во дворе, орет под окнами и курит. И она не допустит, не позволит, а если будет надо, выпорот и посадит под замок, если я только посмею к ним еще раз приблизиться. Я таки несколько раз посмела, меня как следует отругали и даже разок заперли. И установили комендантский час. А какая, спрашивается, уважающая себя хулиганская компания будет водиться с человеком, который до шести часов делает уроки, а в десять вечера ему уже пора баиньки? Правильно, никакая. Даже если у отдельного хулигана из этой компании к тебе, можно сказать, есть серьезное чувство или хотя бы интерес. И Иван Кефилов исчез из моей жизни.

А в тот вечер, после физики, он проводил меня домой. И мы даже покатались на моем портфеле с горки. А на следующий день я услышала, как Сорников говорил Мухину и Белищеву: «Вы, это, не лезьте к ней. А то она с Кефиром ходит».

Из этого, конечно, не следует, что нужно встречаться с хулиганами, чтобы тебя наконец-то в родном коллективе стали считать за человека. Но и отказывать хулиганам в дружбе тоже, наверное, не следует. Они могут быть вовсе не хулиганами, а вполне хорошими парнями. Мы-то просто живем, да и все. Это другие оценивают, как мы это делаем.

Я. Слоники

Красота – страшная сила, но это не про меня. А почему? Да потому, что в маму. А бывают мамы и по красивее, в смысле следят за собой. Я, конечно, все равно ее люблю. Нет, ну а что она одевается, как подросток?

Когда они тащат меня гулять с Котькой и роликами, я упираюсь. Но иду – приходится. Потому что мамы не катаются на роликах – ни одной не видела, кроме своей.

Ни одна мама не катается на велосипеде по школьному стадиону. Мама встречает моих одноклассников в тренажерке. «И своих тоже встречаю», – говорит мама. Но я что-то мам моих одноклассников там не видела. Короче, это не мама, а сплошной позор.

А недавно мы пошли покупать Котьке новый велосипед, из старого она уже выросла. Котька в магазине резко передумала, потому что увидела самокаты – со светящимися колесами.

– Хорошо, – сказала мама, – давайте купим самокат.

– Два самоката, – решила я воспользоваться моментом, потому что увидела нормальный такой самокат на железной раме.

– Чего это? – спросила мама. – Точно! Вместо одного велосипеда можно купить два самоката!

Чего это она так обрадовалась? Подозрительно.

– Значит, так. – сказала мама папе. – Какой тут самокат выдерживает взрослого человека?

– Вот этот, – сказал папа, – выдержит даже меня.

О нет! Коварные люди! Я не собираюсь делить с вами свой самокат! Я хочу, чтобы он был только мой!

– А у тебя в детстве был самокат? – спросил папа маму.

– У меня даже велика-то не было, – сказала мама.

Ну, начинается.

Как раз этим летом рядом с нашей школой уложили новый асфальт – возле двух корпусов. Конечно, мы пошли туда кататься.

Где все катаются на скейтах и роликах, но только без мам.

– Вот и дожили мы до хорошего, – сказала мама. – Такая шикарная площадка, и рядом с домом, а раньше приходилось ездить на Речной вокзал.

Если вам интересно мое мнение, то я, в общем, не против снова туда поехать. Чтобы меня тут с вами не видели.

– Как хорошо иметь детей! – обрадовалась мама. – Разве бы мы купили себе самокат в сорок лет?

И мне пришлось кататься с ними по очереди. А потом решила – еще чего, делиться. И стала уезжать от них – не догоните. Котька за мной – гонит, как сумасшедшая. Мама бежит за Котькой – боится, что та упадет. А потом мама и говорит:

– А что это я бегаю? Схожу-ка я за роликами. Буду ездить.

Ну вот. Может, ты на лавочке посидишь? Все твои знакомые мамы давно там уже.

Лучше бы ты, мама, на маникюр сходила. Навела бы себе красоту, как все взрослые тетеньки. Но вечно все у этой мамы через пень-колоду. Однажды она записалась к косметологу – мол, стареет, морщинки, надо что-то делать. Заранее записалась и всем об этом объявила:

– Где я, и где косметологи? Они в одном мире, а я – в другом! И вот мы наконец-то пересечемся!

– Если бы мне предложили выбрать какую-нибудь суперспособность, – продолжила мама, – то я бы взяла а) месяцами обходиться без сна, а заряжаться от розетки, б) есть все и не толстеть. Хотя зачем есть, если заряжаться от розетки? В) уметь телепортироваться – вот бы я попутешествовала, г) всех вас лечить одним взмахом руки, ну просто вы так часто болеете. Еще бы я хотела такую штучку, как у Гермiony Грейнджер, благодаря которой она успевала на все занятия. То есть суперспособность «фокусы со временем» меня бы тоже устроила. Но красоты как-то не очень хочется – отпугивает, знаете ли, объем предстоящих вложений. Красота – это почти как уборка в доме, как уборка снега во время снегопада: ее нельзя сделать раз и навсегда, вот, даже в парикмахерскую приходится ходить раз в месяц. Нет уж, я буду стареть, как Бриджит Бардо – все свое, все натуральное. Лет в 60

даже волосы перестану красить, подстригусь под ежика – главное, равномерно посесть к этому времени.

Отличненько. Моя мама будет ежиком Бриджит Бардо. А кто это? Окей, гугл – французская старенькая кинозвезда и защитница животных. Старушка с котиками, в общем. Может, я перееду от вас все-таки?

– Но схожу один разок в косметический кабинет, – сказала мама. – Попробую хоть, что ли.

И всех честно предупредила, что в субботу у нее важное мероприятие – она идет становиться если не красивой, то хотя бы чуть более ухоженной.

Но на следующий день пришел с работы папа и сказал, что ему бесплатно достались на всю семью билеты в цирк. Со слонами. На субботу – ту самую, мамину, субботу.

– Я один с ними не справлюсь, – сказал папа.

– Ура! – закричали мы с Котькой.

– Как всегда, – сказала мама.

В нашем городе с резко континентальным климатом слоны как-то не приживаются. В нашем маленьком зоопарке их не заводят, чтобы они не замерзли насмерть зимой во время затяжных 40-градусных морозов. Думаю, что они там, в зоопарке, просто не торопятся строить для слона хорошее, теплое убежище, вот лентяи.

Слоны жили в нашем городе на гастролях уже целый месяц. Шапито стоял на выезде из города возле большого торгового центра, и слонов жаркими вечерами циркачи мыли из шлангов на парковке. Корреспонденты всех местных телеканалов уже помыли слонов и рассказали об этом в новостях, а мы даже еще туда и не собирались.

– Ладно, – сказала мама, – слоны. Представление начнется в 12 часов, запись на 16 – я все успею.

Но билеты были у нас не простые, а волшебные пригласительные, поэтому после представления намечались еще фотосессия со слонихами Мартой и Шебой и кормление их яблоками.

– Понятное дело, – сказала мама, – такое мои дети пропустить не должны.

Понятное дело, что на фотосессию и кормление – нельзя, что ли, было совместить? – были большие очереди (сколько они, однако, раздали пригласительных). И все мероприятие очень, очень затянулось.

Слоны ели яблоки, которые им клали прямо в хобот с двумя фыркающими дырками. Когда между слонами и нами оставалось два человека, мама поняла, что к косметологу она не успевает, а номера его телефона у нее нет.

Через пару минут косметолог ей сам позвонил.

– Извините, – очень виновато сказала мама, – я не могу. Мы кормим слонов на другом конце города.

– Что вы делаете? – спросили в трубке. – Так вы придете или нет?

Тут подошла наша очередь класть слону яблочко в хобот, и маме пришлось окончательно сделать выбор между слоном и косметологом.

– Прости, косметолог, – сказала мама уже не в трубку, – но слон таааакой милый.

И погладила его по шершавому, пятнистому хоботу.

– Видимо, я все-таки еще не очень взрослая женщина, раз не могу организовать такое простое дело, как визит к косметологу, – сокрушалась мама, пока мы ехали домой. – Точно знаю, что если какое дело не задалось с самого начала, не стоит его и продолжать. Не ходила раньше по салонам красоты, нечего и начинать. По крайней мере, в зеркало смотреть еще не страшно.

Ну да, так-то ты даже милая. Но не взрослая. Давай, взрослей уже, купи себе норковую шубу, сапоги на шпильках и сделай ногти со стразами. Чтобы мне за тебя краснеть не приходилось перед одноклассницами. Брови сделай. Тебе же все это можно. Это мне ничего нельзя. Ни чёлку покрасить, ни бровь пробить, ни тоннель в ухе...

– Слушай, Котья, – говорит вдруг мама. – А давай сходим, нарисуем себе мехенди – узоры такие индийские на руках?

Да знаю я. Мехенди? Мне?

– А потом пойдем на праздник красок и ими покидаемся, –

продолжает мама.

What??? Я перекормила слонов и теперь у меня бред от счастья?

– Хотя нас, наверное, потом в автобус не пустят, – сказала мама. – Пешком далеко идти. Нет, не пойдем.

Эй. Не взрослей так резко. А как же краски? Мехенди? Черт с ними, со шпильками. Ну, пожалуйста. Ну, мам.

Она. Пальто

В детстве я донашивала мамины вещи. Не потому что было нечего надеть, хотя и по этой причине тоже. Мне они казались настоящими, взрослыми, серьезными. И поэтому я любила брать без разрешения и надевать на какие-нибудь важные в моей жизни мероприятия мамин розовый кашемировый свитер, перчатки с вышивкой бисером или серые чешские туфли. Мама каждый раз обнаруживала, что я снова брала ее вещи, и ругалась, но не сильно.

Некоторые вещи переходили ко мне от мамы на вполне законных основаниях.

Классе в шестом или седьмом среди наших девочек началась мода на женские сапоги на высокой платформе. С высоким голенищем на замке. Девчонки тогда обычно ходили либо в войлочных бурках «прощай, молодость», либо в детских сапожках дурацкого фасона. У меня были «тупоносики» ярко-розового цвета, которые что с юбкой, что с брюками выглядели, мягко говоря, не очень. В сочетании с синими гамашами, зеленым пальто и черной кроличьей ушанкой и вообще кошмарно.

Первой во взрослых сапогах в класс пришла Рита. Они были высокие, почти до колена. Коричневые. С платформой.

– Это мне мама старые отдала, а себе новые купила, – небрежно сказала Рита, которая сразу стала в этих сапогах не только выше, но и взрослее, значительнее.

Потом выяснилось, что еще у некоторых мам обнаружили ненужные, старые зимние сапоги. Все, как на подбор, на платформе. Я ждала почти до конца зимы, когда и моя мама наконец-то сподобилась купить себе новые сапоги.

– Мам, а можно я твои старые себе возьму...

– Не дури, у тебя свои вон какие. Я их из самого Питера везла.

Действительно, розовые «тупоносики» приехали в Сибирь из города на Неве, где мама проводила отпуск по профсоюзной путевке. Уезжала она в отпуск с одним чемоданом, а приехала с двумя. Во втором лежали сапоги для меня и моей сестры. Потому что в нашем городе детских сапог было не сыскать. Со сладостями, видать, тоже

было не очень, поэтому в каждом сапоге было спрятано по банке сгущенки, а сверху сапоги были засыпаны конфетами, жвачками и шоколадками. Этот новый клеенчатый питерский чемодан порвали при выдаче багажа в аэропорту, и с тех пор он больше никуда не ездил. Ему заклеили бок, и провел всю жизнь в шкафу, собирая и храня наши обноски.

Уже на исходе февраля мама сдалась и разрешила мне ходить в ее сапогах в школу. Они были тоже высокие, до самого колена. Черные. С платформой из желтой резины. Я не шла, а летела – как же, я теперь тоже буду выглядеть взрослее и значительнее. Сапоги на платформе – это же такая вееещь!

В первый же день я поехала в поликлинику. Там нужно было разуваться и вставать на весы и на ростомер. Весы, качнув стрелкой, показали мой цыплячий вес. На ростомере мне на голову неожиданно положили деревянную колодку, от чего я чуть присела и мой и без того невеликий рост уменьшился еще на пару сантиметров. Я сошла с ростомера, уселась на скамеечку и стала натягивать свои взрослые сапоги на платформе. Я не торопилась. В коридоре сидели еще девочки – пусть видят, какой модной вещью я владею. У одного сапога «молния» пропела, как ей и полагается – тоненько и длинно. Я огляделась еще раз – девочки в коридоре словно нарочно отвернулись. Я стала застегивать второй сапог: «молния» коротко бзыкнула и застряла на середине. Старый замок, давно свое отслуживший, разошелся. Мама носила эти сапоги не год, не два и даже не три. Если бы я хоть денек проходила в этих сапогах, было бы не так обидно. А так пришлось заколоть замок булавкой, но голенище все равно разваливалось и шлепало при ходьбе. Это же позор, так шлепать в разваливающемся сапоге от остановки – через школу – во двор. Хоть бы никого не встретить, хоть бы никого... Привет, тьфу ты, Рита и Наташа...

Еще я донашивала мамин портфель – настоящий женский портфель, а не какой-то детский портфельчик. Он был вишневого цвета, с несколькими отделениями и щелкающим никелированным замочком. Портфель меня не подвел и проходил со мной в школу весь шестой класс.

А в девятом классе мне перешло мамино пальто. Оно было сшито из синего кримплена – был такой синтетический материал, вещи из которого можно было носить веками. Он не мялся, не рвался,

не линял, а только изнашивался до дыр и выгорал на солнце, да и то спустя много лет. У пальто был уже давно не модный воротник-шалька из норки, которая тоже выгорела и облезла. И вот в этом мне предстояло ходить на занятия! Многие девчонки в нашем классе носили полушубки из искусственного меха, а некоторые даже шубы из цигейки. Ну, или драповые пальто, сшитые по тогдашней моде – широкие и с хлястиком низко на спине. А кримпленовое пальто с какой-то драной норкой – это же моветон, позор! Фасон тоже был совсем устаревший – приталенный и длинный. Я долго отбрыкивалась от этого маминого подарка. Но она сказала:

– Будут деньги, купим что-нибудь приличное, а пока ходи в этом.

И точка. И не обсуждается. А как я жить в таком пальто буду, никого не волнует.

Очень скоро пальто попало в переплет. Гардероб от школьного коридора на первом этаже отгораживала стена, сделанная до середины из ДСП, а сверху из узорчатой решетки. Бедное уродское пальто однокласснички вымазали мелом и заплели его выцветшие кримпленовые рукава в узор гардеробной решетки. Я не могла его достать, сколько ни прыгала, поэтому просто стояла и плакала. И позвать на помощь было некого. И уйти домой без пальто тоже нельзя – мороз на дворе, и дома-то попадет.

– Да достаньте этой дуре пальто! – сказал кто-то из девчонок. Но все мальчишки, кто мог залезть на эту решетку, посмеялись и разошлись.

Я бы и сама достала, раз плюнуть. Но в школьном платье по решеткам не ползаешь – и без того противное: коричневое, шерстяное, кусачее, да еще юбка в складку будет под потолком развеваться. Как вообще любить платья после того, как проходил почти всю жизнь в этом?! Джинсы навека.

И тут к раздевалке пришел Джон. Он учился двумя классами старше, и все наши первые красавицы страшно по нему сохли. Вообще-то, его звали Женя, у него были черные волосы, гладкие и почти такие же длинные, как у американского индейца в исполнении актера Гойко Митича, и он был всем хулиганам в нашем микрорайоне главный хулиган.

Он тоже засмеялся, но ничего не сказал и полез доставать

злополучное пальто. На следующее утро весь класс уже знал, кто вызволил мой несчастный кримплен.

Я бы точно растерзала то злополучное пальто, вот так бы и порезала ножницами на мелкие кусочки. Но вскоре зима закончилась, а потом мне купили новое. Не помню что – то ли шубу, то ли пальто, то ли еще что. Самая обычная вещь – без истории, без переживаний, без особых достоинств. Не то, что норка-шалька.

Я. Шортики

Хуже нет для меня того дня, когда мама объявляет, что нам с ней пора на шоппинг. Просто черный день.

– Ну, мы же девочки! – сообщает мама, как будто это должно меня как-то особенно порадовать. – Пойдем, купим что-нибудь красивенькое!

Ага. Красивенькое. Как же. Полезненькое и нужненькое мама еще может купить, а вот будет ли оно красивенькое или модненькое – это еще ба-а-альшой вопрос.

Как, объясните, как можно быть красивым человеком, если тебе: а) четырнадцать лет, б) своих денег не хватает на правильные и четкие луки, в) в торговые центры ты ходишь только с мамой?

Мама говорит, что она бы очень обрадовалась, если бы кто-нибудь повел ее в магазин и купил бы ей кучу новой одежды. Ха. Ха. Ха. Кучу новой одежды мне покупают только в двух случаях: если это одежда для школы сразу на год, или это новый пуховик – одна куртка, и сразу куча.

Поэтому я сразу становлюсь очень, очень хмурой. А тут я и вовсе насторожилась: зачем это меня волокут по магазинам в январе? Еще один пуховик? Нет, на такие излишества мама никогда не решится. И вообще, я еще от августовского похода не оклемалась, когда меня в седьмой класс собирали. Мама тогда посадила папу с Котькой на весь день, и весь день мы, как очумелые, видите ли, шопились.

– Ура! – сказала вдруг мама, едва ступила за порог подъезда. – Как здорово выйти из дома без Котьки!

Оу, эта причина восторга мне понятна. С нашей Котькой далеко не уйдешь. У Котьки – свои цели и маршруты, и ты либо следуешь за ней, либо берешь ее подмышку и несешь туда, куда нужно тебе. Котьку еще можно пристегнуть к детскому велосипеду, но его не затащишь в автобус. Котька начинает бегать по торговому центру, если только ее не оставить в детской игровой комнате. Но там Котька залазит куда повыше и начинает орать от того, что ей страшно и слезть не может. Маме обычно в таких случаях звонят и предлагают

немедленно прийти и достать Котьку из игрового лабиринта. И обратно Котьку в игровую комнату без мамы уже не принимают.

Во время шоппинга я всегда хочу есть – вот такая особенность у моего растущего организма. Но мама считает, что это я так кизэпсишечку добиваюсь. Нет, я просто хочу есть. И пить. И от мороженого не откажусь. И чипсиков дайте. И вообще меня этот шоппинг выматывает так, что я засыпаю в трамваях.

– Эх ты, слабачок! – говорит мама, расталкивая меня на нашей остановке. – Ты же спортом занимаешься, а никакой выносливости в таких обычных делах! Нет, далеко тебе до настоящих ветеранов распродаж, – тут мама, конечно, себя в виду имеет. Она-то по магазинам может ходить целыми днями. И за весь день может ничего не купить. Вообще странно. Гуляет?

Меня так весь этот шоппинг с мамой угнетает! Это часы потерянного времени, и всего лишь одна футболка! Нормально? Дайте мне денег и отпустите одну! Но мой выбор мама никогда не одобряет. Стоит мне только протянуть руку к какой-нибудь вещи, как начинается:

– Ты посмотри, как криво сшито! А цвет какой отвратительный! Нитки торчат! Кнопки уже отвалились!

Какое может быть удовольствие от такого шоппинга? Вот скажите, есть ли в природе такие мамы, которые дают своим дочерям денег на покупки, а сами уходят, к примеру, на маникюр? Что-то я сомневаюсь.

Ну, и еще я не хочу столкнуться в ТЦ с кем-нибудь из наших. Они тусят там в разных кафешках и фоткаются в примерочных, а моя мама считает, что это недостойный досуг, пустая трата времени. Поэтому я молю бога о том, чтобы мама повезла меня в какой-нибудь центр подальше от дома – насколько я знаю, наши дальше, чем за три остановки трамвая, еще не забираются.

– Мам, почему мы не покупаем вещи через интернет? Ну, все уже давно так делают...

– Мы все, Котька, нестандартные – что ты, что я, что папа! К тому же, вещи надо трогать и примерять, вдруг они противные наощупь, вдруг они сидеть на тебе будут, как пальто из фанеры...

Ой, кто бы говорил! Ходила в ватнике и не жужжала.

И все-таки. Зачем мы прѐмся в январе по магазинам?

– Рождественская распродажа потому что! – удивилась моей непонятливости мама.

– Да мне вроде не нужно ничего, может, я дома посижу? – предприняла я еще одну попытку отвертеться.

– Пойдем-пойдем, – продолжала мама, – лето скоро.

Скоро? Пять месяцев до лета, это скоро? Интересные у нее отношения со временем. Это еще целых две четверти! Это просто ужас-ужас, как много.

Разумеется, в магазине мама снова завела известную песню: ой, смотри, какое платьице! Девочке нужно носить платья! А вот сарафанчик, а вот юбочка...

Буээ, прекрати сейчас же, меня стошнит. У меня есть одна, как ты говоришь, юбочка – черная, школьная, одевается в день, когда проходит конкурс патриотической песни. И на 1 сентября. Все. Юбочки – это зло, мама. Юбочки – это колготки, которые всегда рвутся. В юбочке не закинешь ногу на ногу. Юбочка развеивается, когда не надо. Одна юбочка, и то я тебе уступила, потому что школа. С меня хватит.

И я снова утыкаюсь в телефон. Да, даже во время шопинга я всегда умудряюсь пялиться в телефон. Во время этого скучного, бессмысленного и беспощадного занятия. Что еще делать-то? Это мама выбирает, а я тут рядом постоять пришла.

– Эй, – сказала мама, – давай-ка повеселее, я же не к зубному тебя привела! Не хочешь юбочку, вот смотри – джинсовые шортики!

Шортики – это тема. Это мы берем.

– Бери-ка еще эти три футболки и дуй в примерочную, – раскомандовалась мама.

Определенно, на маму что-то снизошло. Потому как и футболки были что надо – со всякими мимишками и диснейками. Боже, подумала я, спасибо, что вразумил эту женщину! Хочу еще вон ту толстовку, рубашку в клетку и леггинсы.

Но едва я вышла из примерочной, то поняла: рано радоваться, сейчас мама отмочит номер! В руках у нее были точно такие же джинсовые шорты, как у меня.

Мама, нет! Одумайся! Не надо! Остановись, пока не поздно. Тебе сорок лет, какие шорты? Вот смотри, какие висят милые брючки! А вот юбочка, ты их так любишь. Только, прошу тебя, не шорты. Или хотя бы не ЭТИ шорты. Ты, мать двоих детей, куда ты в них пойдешь? Зачем мы будем ходить в них, как инкубаторские? Повесь, кому говорят, обратно!

Но я, к сожалению, не умею управлять волей других людей. В этих шортах мама гуляла все лето. Вместе с Котькой по всем окрестным песочницам. И еще приговаривала:

– Лето в песочнице – это почти как лето на курорте: наряды примерно одни и те же.

И я тоже гуляла в таких шортах. И думала: не, ну а чо, пусть гуляет, она ведь у меня не толстая.

А однажды она приехала ко мне в этих шортах в лагерь и говорит:

– Ой, твои-то грязные какие. Давай махнемся, – и мои надела, и домой в них уехала. Все-таки, иногда очень даже не плохо, когда твоей маме нравятся те же вещи, что и тебе.

Я. То, что нас объединяет

Однажды мама приехала ко мне в лагерь и говорит:

– Коть, ну как тут тебе?

Да никак. Режим – это не для меня. Подъем каждый день в восемь утра – это вообще перебор. Чем, скажите, тогда каникулы отличаются от не-каникул?

– Но хоть что-то тебе тут нравится? – с надеждой спросила мама.

Совесть, что ли, ее мучает? Отправила ребенка в какой-то, понимаешь, лагерь. Да, нравится: бассейн и дискотека. Но бассейн по десять минут в день, а дискотека – только по субботам и воскресеньям. Компьютера нет, есть только ноут у вожатых, на котором они нам раз в неделю кино показывают. Вайфая нет, нормальной связи и то нет! Хорошо, что закачала себе пару игр на телефон. Но розеток, и тех почти нет!!! Поэтому особенно и не поиграешь. Мама просила звонить ей каждый день. Так ведь и связи почти нет – либо лезь на сосну, либо вставай на тумбочку.

– Красота, – говорит мама, – отдохнете от цивилизации! Набивай эсэмэски, какая-нибудь да проскочит!

И вот я, стоя на тумбочке, набиваю ей жалобные, но скучные сообщения. «Привезите «тук» – это значит, умираю от голода, плачу по ночам в подушку, но пиццу все равно нельзя, поэтому, так уж и быть, согласна на печеньки. «Привезите теплые носки и жилет», – это значит, холодрыга и дожди, загибаюсь от холода, кха-кха, чуete, чем пахнет – двухсторонним воспалением легких и досрочным отъездом из лагеря. Или «устала» – это значит, две тренировки в день, кросс по лесу, в концерте пела и плясала, дежурство по столовой, совести у вас нет, это, по-вашему, отдых?

Но однажды, приехав ко мне в лагерь, мама сказала:

– Удивительно, но тут почти ничего не изменилось за тридцать лет...

Мммм... Мам, ты что, была здесь в детстве?

– Нет, не здесь, – сказала мама, – в другом лагере, наш назывался «Маяк». Но этот очень похож. Деревянные домики с олимпийским

мишкой, клуб с танцами, линейки с флагами, пряник на «пятый ужин»... Пряники-то дают?

Дают пряники. Без этих пряников вообще бы хана.

– Я тоже думала, что это за каникулы в лагере, когда в восемь подъем, вместо зарядки кросс на два кэмэ, потом дежурство по комнате. Вы полы-то сейчас моете? А фантики собираете? А Юлю-чистюлю вам дают?

Юля-чистюля – это у них кукла была такая, переходящий приз за особую чистоту отрядного домика. У нас в домике полы моет уборщица, поэтому и кукол никаких нам не дают.

– А отрядный костер у вас бывает? – продолжает мама.

Это да. Только его еще заработать надо – в пионербол порвать всех, даже первый отряд, или в концерте лучше всех выступить, или когда бизнес-день проходит, заработать много-много местных денег – у нас лагерь называется «Березка», а местная валюта – «брунька». Пятсот брунec стоит отрядный костер, а за победу в пионерболе дают только сто. Короче, весь сезон всему отряду трудиться надо.

– Я тоже думала, что самое приятное в лагере – это танцы и речка. Но сейчас вспоминаю еще кое-что, – говорит мама. – Тихий час...

Тихий час??? Приятное? Да это же пытка пытская, мука мученическая – лежать в кровати два часа! Нет, я согласна еще полежать на коврике возле бассейна, но чтобы в душном домике????

– А ты попробуй думать по-другому, – говорит мама. – Теплый воздух, нагретый солнцем, пахнет вкусно хвоей. Шум сосен. Даже при легком ветре они гудят, как... На прибой похоже. Сейчас самая жарница, но занавески зашторены, и солнечный свет, пробиваясь сквозь них, становится мягким, неярким, золотистым или голубоватым – смотря, какие занавески. И ты никуда не торопишься, а после «тихого» сразу полдник и речка. Я готова махнуть с тобой, Котка, только чтобы хотя бы еще разок поваляться в кровати на тихом часе, никуда не спешить и послушать сосны... Знаешь, во взрослой жизни почти всегда одна только спешка, и почти нет в ней вот таких тихих промежутков.

Хм. Попробовать, что ли?

Перед обедом родители уезжают, и из столовки я отправляюсь на

«тихий». Укладываюсь прямо в одежде поверх покрывала (еще чего, раздеваться!), телефон лежит на тумбочке, первый раз за сезон на «тихом» оставляю его там. Смотрю, как сквозняком качает наши бежевые занавески, и от этого по стенам бегут тени, похожие на волны. Ветер сегодня сильнее, чем обычно, поэтому и кажется, что за окном бушует настоящее море, почти шторм. Но солнце светит ярко, тепло, и потому не страшно. Слышно, как на дорожку падают шишки. Трещит какая-то птица. Здесь вообще живности много. К нам, бывает, и белки прибегают. Однажды на занавеску выполз большой жук с огромными усами, которого мы назвали Аркадием. Снять его и вынести за дверь побоялись, поэтому Аркадий жил у нас до вечера, а потом уполз. На веранде у нас жил Дракулино – маленькая летучая мышка. Стараюсь представить маму, какой она была в лагере. На линейку надевала пионерский галстук. Разглаживала фантики на коленке – собирали всем отрядом, чтобы кинуть их в большой костер в конце сезона. Красила шишки гуашью. Рассказывала ночью страшные истории. Однажды они решили сидеть всю ночь со светом, и поэтому завесили все окна, чтобы их снаружи не засекли, толстыми одеялами. Чуть не задохнулись, говорит. Однажды пробежали ночью по лагерю в простынях, за это их пропесочили утром на линейке. Поиграть в привидения мы пока не решились, но в остальном – почти все, как у нас... Лагерь наш, конечно, старый, и домики выглядят облупленно. Но это... это настоящая машина времени, получается! Для мамы, по крайней мере. И это так странно – обнаружить, что твои родители не с другой планеты прилетели (ну, иногда так кажется), а что на этой выросли – были такими же, как ты, и ездили в почти такой же лагерь.

И я закрываю глаза и начинаю вспоминать, что еще между нами есть общего.

Папа, как и я, занимался айкидо. Черт, да ведь и мама когда-то тоже!

С мамой у нас один размер одежды. Не всегда, конечно, приятно, когда мама просить у тебя что-нибудь поносить. Но ведь и мне тоже иногда что-нибудь интересное из ее вещей перепадает.

Папа обещал научить водить машину. На роликах он катается хуже меня, а на коньках – так вообще смех и грех. Но ведь катается! Немного я таких пап видела. Мама подарила свои коньки – очень классные: с рисунками и теплые.

Мы с папой не умеем плавать, но зато он заказывает клевые штуки через интернет – маску для сноуборда, например, горнолыжные очки, плеер размером с конфету.

Мама может составить мне компанию иногда. То есть бросить все свои дела, совсем, и пойти в кино. Однажды на зимних каникулах я не знала с кем пойти на седьмой эпизод «Звездных войн»: все одноклассники или уже посмотрели, или уехали из города. И мама предложила: «Давай вместе сходим!» Ну, лучше уж с мамой, чем совсем никак. Особенно когда ЗВ идут в кинотеатре последний день. И мы пошли. После кино мама сказала:

– Знаешь, Котька, первые фильмы «Звездных войн» мы смотрели, когда вас еще и в планах не было. Клевою штуку придумал Джордж Лукас, смотри, в зале разные поколения были, и всем интересно. Объединяет!

Поменьше бы пафосу, мам, но по сути верно!

Иногда мне кажется, что мама совсем меня не понимает, но при этом постоянно набивается ко мне в подружки. Все время хочет поговорить со мной по душам, о моем будущем, что учиться нужно, как следует, и прочее бла-бла. А я этого терпеть не могу. Ну, не люблю я эти все девчачьи нежности. Но маме нравится музыка, которая нравится и мне!

Однажды мы поехали на машине к бабушке в другой город. Меня назначили ответственной за музыку – накачать песен, чтобы в дороге слушать. Часть песен я накачала для Котьки. Котька, кстати, не такой уж в этом смысле детсадовец, – кроме песен из «Смешариков» Котьке нравится еще и Кэти Перри.

И вот на одной из песен мама вдруг и говорит:

– Сделай-ка погромче, это одна из моих любимых!

А песня, на минуточку, You're gonna go far Kid, группа Offspring – погуглите, если кому интересно, у них в клипе такие монстры и фрики, все, как я люблю. И это нравится моей маме? Точно? Я не сплю?

– Ну, а что такого? – пожала мама плечами. – В нашей тренажерке ее постоянно крутят.

Эй, мама, интересно, а что еще крутят в вашей... нашей тренажерке?

Иногда маме нравятся и книжки, которые нравятся мне. Она прочитала и посмотрела все «Голодные игры». Правда, читать другие книги Сьюзен Коллинз мама отказалась – говорит, что после «Игр» они все какие-то детские и наивные. Но маме понравилась «Шестая жизнь Дейзи Вест», по мне так суперкнижка. Маме понравилась Жаклин Уилсон, мама обожает «Тринадцатую сказку». То есть не такая уж большая между нами разница... Мы даже ростом с ней одного... пока.

И с такими мыслями я засыпаю – первый раз за все три недели. Сосны бушуют за окошком, на душе тепло-тепло. После «тихого» – полдник и бассейн, и можно никуда не торопиться.

Она. Улица Радищева

Когда-то наша семья жила на улице Радищева. В доме на нескольких хозяев. Родители моих родителей купили в нем одну комнату с кухней, а потом стали пристраиваться.

По сути, это был мой первый дом, который я бы с большой радостью почитала как родной, как дом, в котором родилась. Но дома этого сейчас нет, и сама улица сильно изменилась. А какими они были тогда, когда я родилась, я не помню.

Первое мое самое воспоминание – переезд на новую квартиру, мне четыре года. Раньше не помню – ни себя, ни маму, ни бабушку, ни дом, ничего.

Жили мы раньше, как мне рассказывала мама, в этом доме я с родителями, бабушка с дедушкой и мамина сестра тетя Люда с мужем и дочкой. Так, еще с другими соседями, все в новую девятиэтажку и переехали. А на месте дома, одного временного пристанища, построили другое – общежитие для студентов университета. Сам университет открыли за два года до моего рождения, и мама рассказывала, что к нему меня на колясочке возили гулять. Позже я в него поступила и даже окончила.

Когда мы жили на улице Радищева, у нас был большой общий двор с высоким забором. Этого я тоже не помню, но сохранилось несколько фотографий с каких-то семейных праздников, которые в этом дворе отмечали всей родней. В этом дворе дедушка сети плел, а потом после рыбалки сушил, их тоже на снимках видно. Говорят, кроликов еще держал, и нам из них шапки и шубки шили.

И есть еще фотография одна – не праздник никакой, просто вечер летний. Все сидят легко одетые, загорелые и смеются.

А другая фотография осталась – тот же дом, только изнутри. Мне там года два, отец только что с мороза зашел, а я с него шапку стянула и топаю по деревянным половицам. Отец смеется – молодой совсем еще, не седой. На дверном проеме шторочки висят – в каких-то египетских мотивах. Рукомойник жестяной – такой, в виде шкафчика.

Я искала еще хоть что-нибудь о той своей жизни, которую я не

помню. О том доме, в котором я родилась. В моей детской медицинской карточке, толстой пожелтевшей тетради, прошитой суровыми нитками, с корешком, подклеенным зеленой ситцевой тканью в цветочек, и загадочным розовым треугольником на обложке, рука педиатра в далеком 1975-м написала: «Условия проживания удовлетворительные». То есть тепло, светло, и мухи не кусают. Все удобства, скорее всего, находились на улице. Была печка ведь наверняка, дровяник или углярка, а может быть, и то, и другое. Колонка на улице. Шарик в будке. Герань на окнах. Кошки, гревшиеся в солнечных пятнах. Голуби гуркали на чердаке, пух тополиный летел летом, кленовые «самолетики» – осенью.

В том доме наши с бабушкой комнаты были через стенку. Мне рассказывали, что по утрам, когда родители уходили на работу, я сообщала бабушке о том, что проснулась, стуком пятки в стену. Бабушка приходила, умывала-одевала-кормила меня, а что мы потом делали, я не знаю. Родители-то рассказать не могут, они же не видели, а бабушка умерла давно, и не спросишь. На одной фотографии бабушка сидит во дворе за дощатым столом и вяжет носок, а мы с двоюродной сестрой Янкой катаемся на смешном рогатом трехколесном велосипеде.

Все эти фотографии, по которым я силюсь вспомнить самое свое раннее детство, сделал дядя Гена, маминой сестры муж. Он служил на Балтике, прожил всю жизнь на Алтае, а умер там, где родился – в Нижнем Новгороде, когда поехал в родные места в отпуск.

Свадьбу родителей наверняка снимал тоже он. На одном снимке от дома на Радищева видно только одну стену. Между этой стеной и забором молодожены и их гости встали в три этажа, а дядя Сережа, и так высокий, даже на какую-то приступку на заборе встал. На маме – кофточка белая без рукавов, очень простая, совсем без украшений, и юбка светло-серая в клетку. На отце – белая толстовка со шнурком. Дед Покидов молодой, важный, в пиджаке с наградами – он на фронте воевал, на Дальнем Востоке в береговой артиллерии. Дед Покидов, Александр Агафонович – муж бабы Нади, родной сестры отцовой матери, бабы Дины, Евдинии. Она умерла еще до того, как отец женился. Моя младшая сестра Ольга, все говорят, очень на бабу Дину похожа. И баба Надя была моему отцу все равно как мать, хотя он был уже взрослым человеком и на заводе работал. Потому что даже взрослым тяжело без родителей.

А я, все говорили, была похожа на мамину маму, на бабу Аню. Чем же, думала я, похожа? Я рыжая, конопатая, а у бабушки волосы серые – седые потому что.

Когда дом решили сносить, нам всем дали по квартире. Тете Люде и бабушке – по однокомнатной, а нам, потому что мама второго ребенка ждала, дали двухкомнатную. И мы все, и даже те соседи, которые нам не родственники, переехали вместе с нами. Так получилось, как будто весь наш полудеревенский квартал переехал в девятиэтажный дом, и все по-прежнему во дворе по вечерам собирались, дядьки доминошный столик себе в уголке соорудили. Только двор другой уже был, городской, с железными ракетами и паровозиками, весь в асфальте и без забора.

Вот это я помню: как завязали веревками трельяж, как придерживали его, чтоб не хлопал о борт, как мы с мамой ехали в кабине грузовика, а папа – в кузове, что погода была солнечная, март. Как мы вошли с папой в комнату – ту, что поменьше, он щелкнул выключателем и сказал, что она теперь – моя. Там обои были такие серенькие с жидким золотым тиснением, в кухне и коридоре – красный линолеум, а в комнатах – желтый. И в пустых комнатах аукалось, как в лесу. И если в окно выглянуть, то с девятого этажа был виден весь город и даже темной щеткой на горизонте сосновый бор. На такую высоту я еще не забиралась.

Помню, что я обрадовалась, конечно. Хотя мама рассказывала, что первую зиму жить в новостройке было невозможно – квартира угловая, на девятом этаже, и в углу якобы щель была, через которую внутрь надувало снега. И что мама одевала меня и сестру и выводила в соседнюю промерзшую комнату – гулять. А потом ничего – сделали ремонт, щель закрыли, и стало очень жарко. И большая лоджия была, на которой я в первом классе по утрам в тренировочном костюме с начесом зарядку делала. С этой лоджии как-то летом у нас улетели из клетки два волнистых попугая. В детстве на этой лоджии у меня был «дом» под навесом из покрывала, а после окончания одиннадцатого класса, лежа на отцовской старой фуфайке, я готовилась поступать в университет. Перед Новым годом на лоджии всегда морозили пельмени – штук двести или даже больше на огромной белой крышке от кухонной электроплиты, закрывая газетами от синиц.

Бабе Ане дали квартиру в соседнем подъезде. У бабушки квартира была маленькая, и балкончик был в ней маленький, на нем

дедушка по-прежнему плел сети и вялил рыбу. Вообще, переехав, дедушка и бабушка сохранили многие свои привычки от жизни в том, прежнем доме. Например, в баню ходить. Как это, совсем в баню не ходить? И однажды бабушка взяла меня с собой в общественную баню. В бане мне не понравилось: жарко и страшно. И беззащитный ты там какой-то, даже одежды на тебе нет.

У бабушки была коса, и поэтому у нее были расчески-гребешки, изогнутые дугой. Она косу на затылке узлом сворачивала и гребешком закрепляла. И нам, бывало, тоже такие гребешки дарила, но в наших стриженных волосах они плохо держались, и мы ломали их быстро.

А бабушка Надя дарила нам духи – «Красную Москву» и «Белую сирень». Это были самые первые духи в моей жизни. Конечно, пахучая жидкость очень быстро тратилась на наши комариные укусы, или проливалась случайно. Пробки шли в игру (ширк ногой по полу!), а пустые флакончики мама вкладывала между свежевыглаженными простынями, и в деревянной утробе шкафа еще долго сохранялся еле слышный аромат «Белой сирени» или «Красной Москвы».

А однажды баба Аня подарила мне красивое платье. И я так обрадовалась, что пообещала тоже подарить ей платье – только с первой пенсии. «Ну, долго ждать придется!» – засмеялась баба. Не дождалась...

От деревенской жизни у бабушки осталась прялка. Иногда ей из деревни привозили овечью шерсть, бабушка пряла ее и вязала из нее носки. Они всегда были серые или коричневые, а в шерсти попадались щепочки и соринки.

– Овечкой пахнет, – говорила бабушка и объясняла мне: – Это кудель, а это веретено.

Когда я прочитала сказку о спящей царевне, которая укололась веретеном и уснула на сто лет, я пошла к бабушке смотреть, как там этим веретеном уколоться можно было. У бабушкиного веретена был тупой кончик, которым проколоть палец не было ну никакой возможности.

– Так у той-то, у царевны, оно же поди железное было, – объяснила бабушка. – Мое-то веретено простое, деревянное, только занозу и можно подцепить. А, может, это она так себе палец

занозила?

У бабушки дома был еще самовар – только не настоящий, а электрический. Но все равно редкость, у нас такого не было. Еще железная кровать с сеткой. Если такую вдруг кто выбрасывал, то мы на этой сетке во дворе прыгали до тех пор, пока не начинало колоть в боку. Настоящая деревянная скамья. В ванной всегда веник висел – для бани. На полу кружки из лоскутков связанные и дорожки тканые. Все это переехало вместе с бабушкой с улицы Радищева, со «своего дома» на несколько семей.

Каждый раз, оказываясь по каким-нибудь своим дела на улице Радищева, в любой ее части, я пытаюсь представить, каким был этот «свой дом», где он стоял, насколько ветхим он мог бы стать спустя почти сорок лет. И не могу представить, потому что, кроме тех нескольких фотографий, сделанных любительской камерой, собственных воспоминаний не имеется. Не хватает будто чего-то, одного маленького корешка. Его отсутствие, конечно, никаким образом на общую устойчивость моей жизни не влияет, но хорошо бы, коли такой корешок у меня был.

* * *

Не очень-то я люблю все эти девчачьи нежности. Но я хочу, чтобы всегда-всегда между нами оставались несколько неразрушимых ни временем, ни людьми, ни нами самими невидимых волокон. Мамой вообще быть трудно. Какая из меня мама, это уж вам решать – тебе и Котьке. Но вы для меня как ребро жесткости – вынь вас из моего скелета, и я осяду бесформенной кучей. Каждая из вас двоих – мой неутомимый маленький движок, кардиостимулятор, приложи который к груди, и никаких больше не нужно средств, чтобы мое сердце, которое скоро будет измотано в тряпочку, вздохнуло с облегчением, расправило свои первые морщины. От того, что у него есть такие прекрасные резервные копии, я же человек с продолжением. С двойным продолжением.